

„Socialistisches Vestnik“
„Le Courrier Socialiste“
„Der Sozialistische Bote“

REVUE BIMENSUELLE

Prix en France, Belgique, Tchécoslovaquie 3 fr.
et Yougoslavie. . . . .
Preis in Deutschland und sonstigen Ländern . . . 70 pf. (4 fr.)

Organe Central du Parti
Socialdémocrate Russe
141, rue Broca (bât. 11)
PARIS (13e)

СОЦИАЛИСТИЧЕСКИЙ ВЕСТНИК

Центральный Орган Российск. Социал-Демократ. Рабочей Партии
Основан Л. МАРТОВЫМ. Выходит 2 раза в месяц.

№ 4 (336)

15-й г. издания

Подписная плата для Франции: в год 80 фр., на ½ г. — 40 фр., на ¼ г. — 20 фр., отд. номер — 3 фр., двойной номер — 5 фр.; для остальных стран: на год — 100 франков, на ½ г. — 50 фр., на ¼ г. — 25 фр. За перем. ядр. — 1 фр. Контора и ред.: 141, r. Broca, (Square Albin Cachot, bât. 11), Paris (13e) Тел.: Port-Royal 05-25 Chèques Postaux «Le Courrier Socialiste» — 359.84 Paris Прием по делам редакции ежедн., кроме суб. и воскр., от 11—1 ч.

25 Февраля 1935 г.

Просим наших корреспондентов при написании адреса обязательно указывать: «Bâtiment 11»

СОДЕРЖАНИЕ

Передовая: На исторической грани.
Ф. Дан. «Знатные люди страны» (окончание).
А. Югов. Съезд колхозников-ударников.
П. Гарви. Вопросы войны и мира.
Ю. Ч. Заставь богу молиться...

Заграницей: Социализм в Дании. — Съезд швейцарской социалдемократии. — В Латвии. — Франция: проект общей

Фельетон: В. Александрова. Смерть героя.

платформы. — Срыв единого фронта бельгийской молодежи. — Болеслав Лимановский (некролог).

По России: Конституционная реформа. — Навстречу крестьянству. — Международные осложнения. — Снятие с работы социалистов и оппозиционеров. — Продуктов больше, жить дороже. — Советские перемены.

Из партии: Поездка Р. Абрамовича в Америку.

Издания, поступившие в редакцию. — Почтовый ящик.

НА ИСТОРИЧЕСКОЙ ГРАНИ

Закончившийся 6 февраля 7-ой Всесоюзный Съезд Советов был в еще большей мере, чем его предшественники, съездом не столько советских граждан, сколько советских и партийных чиновников. В нем участвовало 2.542 делегата — 2.007 с решающим голосом и 535 с совещательным. В числе делегатов с решающим голосом было 936 рабочих и 473 крестьянина, но из них лишь 301 рабочий от станка и 263 колхозника от земли, т. е., в общей сложности, 28,1% делегатов «от народа», причем все говорит за то, что и «народный» сектор съезда сплошь состоял из разного рода «бригадиров», т. е. людей, так или иначе втянутых в советский аппарат и прикосновенных к его преимуществам и привилегиям. 71,9% делегатов представляли военный, хозяйственный и административный аппарат диктатуры в чистом виде, ибо, конечно, в этот аппарат входят по существу и те 67 ученых, инженеров, писателей и пр., которые, в качестве «интеллигенции», украшали своим присутствием съезд. Быть может, не безинтересно отметить, что доля членов коммунистической партии в составе съезда (73,8%) почти совпадает с долей, падающей на этот, чисто-бюрократический сектор: совпадение, имеющее, вероятно, отнюдь не цифровой лишь, а и персональный характер!

Подобно всем своим предшественникам, и 7-й съезд объявлен «историческим». Но в отличие от них право на историческое бессмертие он завоевал себе единодушным поднятием рук по вопросу, который на его повестке не стоял, которым он ни в какой мере не зани-

мался, о крайней спешности и историческом значении которого он и не подозревал за пять минут до того, как ему было объявлено постановление, принятое 1-го февраля ЦК-ом коммунистической партии по инициативе Сталина. Правда, в порядке дня стоял доклад Енукидзе по конституционным вопросам. Но доклад этот был посвящен исключительно мелким проблемам технико-административного порядка и ни одним звуком не намекал на то, что с 1-го февраля открывается «новая эпоха советской демократии», и что 7-му съезду суждено «знаменовать собою целую эпоху развития Октябрьской социалистической революции» («Правда», 7 февраля).

Возвещенная постановлением ЦК избирательная реформа в направлении прямого, равного, тайного, а, согласно докладу Молотова, в ближайшей перспективе и формально-всеобщего, голосования пока предпринята лишь в принципе. Ее конкретная разработка возложена на особую комиссию, во главе которой стал сам Сталин, а свое первое практическое применение она должна получить на очередных советских выборах, которые по конституции должны иметь место не ранее, чем через два года, а на практике могут быть отложены и на значительно более долгий срок. Но доклад Молотова позволяет все-же судить об общих очертаниях реформы — по крайней мере, как она мыслится ее инициаторами сегодня, что, конечно, отнюдь не исключает возможности какого-либо нового поворота завтра.

До сих пор прямыми выборами избирались только

городские и сельские советы. Они будут таким же порядком выбираться и впредь, с тем лишь отличием, что избиратели будут голосовать уже не поднятием рук, а «тайно», бюллетенями. Все вышестоящие органы советской власти, так называемые Исполкомы — районные, краевые, областные, республиканские и вплоть до Всесоюзного ЦИК'а — выбирались до сих пор в порядке нескольких степеней (от двух до четырех) на соответствующих с'ездах советов. Отныне все эти органы «от городских и сельских советов до ЦИК СССР включительно» должны выбираться прямым голосованием избирательских масс. Страна покроется таким образом сетью местных и центральных «советских парламентов» (Молотов), избираемых гражданами непосредственно. Как видим, советским с'ездам в этой системе места больше нет. Быть может, сталинская комиссия и признает нужным их все же время от времени для каких-либо чисто демонстративных оказательств созывать. В качестве звена, и притом основного звена, в системе формирования органов советской власти, с'езды, судя по докладу Молотова, во всяком случае упраздняются. «Эпохальный» характер 7-го Всесоюзного с'езда состоит, стало быть, прежде всего в том, что он неизвестно, экспромтом и без прений упразднил сам себя и будет отмечен историей, как последний в ряду тех 10 Всероссийских и (с 30 декабря 1922 года, со дня принятия конституции СССР) 7 Всесоюзных с'ездов, которые до сих пор представляли собою высший законодательный орган советской страны.

С'езд мог бы быть «эпохальным» и в другом случае, — в том, если бы он оказался последним представительным органом советского и партийного чиновничества и, сходя с исторической сцены, открывал эру выборного представительства советских граждан. Но для этого нужно было бы, чтобы возвещенная демократизация и избирательного права была лишь первым звеном последовательной и всесторонней демократизации всего советского режима. Однако, как указывалось уже в предыдущем номере «С. В.», как подтверждают и письма наших товарищей из Советского Союза, ничто не позволяет думать, что Сталин и возглавляемая им комиссия ставят себе задачей такую развернутую демократическую реформу. Ничто не позволяет предполагать, чтобы проектируемые «советские парламенты» были в их представлении, в отличие от советских с'ездов, не простыми штемпелевальными машинами при очередном диктаторе, а властными органами свободной самодеятельности организованных общественных сил. Ничто не позволяет видеть в провозглашаемых ими демократических лозунгах нечто большее, чем демократическую фразу, в возвещенной ими реформе нечто большее, чем реформаторский жест.

И все же закончившийся Всесоюзный с'езд действительно отмечает собою весьма знаменательную и историческую грань, — хотя и совсем не в том смысле, как славословят его «Правда» и другие органы советской печати. Да, конечно, провозглашение демократической реформы избирательного права есть пока лишь жест. И слишком очевидно, что жест этот сделан не добровольно, не потому, что в ночь с 31 января на 1-е февраля Сталин внезапно прозрел, осознал происшедшее за период генеральной линии радикальное изменение социального состава страны и с радостью дал волю давно уже обуревавшему его стремлению ликвидировать террористическую диктатуру на путях последовательной демократизации режима, на путях, указываемых российской социалдемократией. Для интересов трудящихся масс Советского Союза, для судеб русской революции и международного рабочего движения было бы, разумеется, бесконечно лучше, если бы ради-

кальный и притом серьезный поворот к демократизации советского режима происходил именно в порядке последовательной и обеспеченной всеми гарантиями революционной безопасности, но добровольной самоликвидации диктатуры, кичащейся своим пролетарским характером и своим марксизмом; если бы за 17 с лишним лет существования этой диктатуры, те высказывания о временном характере всяких ограничений свободы, которые Ленин делал на заре большевистского восхождения к власти, были действительным принципом политики советского правительства, а не той пропавшей грамотой, которую советская печать вытаскивает, чтобы словесными фиоритурами украсить свои статьи и в то же время софистически оправдать — не ликвидацию, а продление террористического режима вопреки всякой «демократизации». Но, как бы то ни было, и признаков такой добровольности в сделанном диктатором жесте нет. Наоборот, все больше становится ясен его вынужденный характер.

Доклад Молотова и комментарии советской печати дают ключ к пониманию той необходимости, которая продиктовала диктатору этот жест. Основную причину или, вернее, не столько основную причину, сколько последним толчком, вскрывшим его необходимость, явилось заметно ухудшившееся за последнее время внешне-политическое положение Советского Союза на фоне нарастающего недовольства трудящихся масс внутри страны и расшатанного недавней вспышкой дикого террора престижа большевистской диктатуры во внешнем мире. При таких условиях, советское правительство пытается завоевать «симпатии всех мыслящих и передовых людей земного шара» («Правда», 7 февраля), объявляя себя борцом за «все лучшее в развитии современных государств» (Молотов), в том строе политической демократии, которому угрожает фашизм. Обещая «осуществление всестороннего демократизма», оно пытается вернуть себе сочувствие «не только трудящихся нашей страны, но и далеко за границами Советского Союза» (он-же). И, наконец, — что, как указывает наш московский корреспондент, наиболее важно для обеспечения обороноспособности страны, — оно хочет примирить с собою крестьянство и потому, в дополнение к экономическим уступкам, делает демонстративный политический жест, провозглашая «равноправие» крестьян с «привилегированными» доселе рабочими. Все для того, чтобы можно было «в нужный момент всей своей силой защитить границы Союза от внешнего врага».

Диктатура сделала лишь жест, лишь выдала политический вексель, который по ее расчетам может быть предъявлен ко взысканию лишь через несколько лет и оплата которого по малой мере остается под вопросом. Но политические жесты, продиктованные исторической необходимостью, имеют свою логику, независимую от намерений тех, кто их делает. Примирение с трудящимися массами Советского Союза становится для диктатуры, вновь угрожаемой внешними, но также — менее заметным во вне, но не менее грозными внутренними опасностями, действительной необходимостью. Но не демократическими жестами и символами может быть достигнуто это примирение. Оно может быть достигнуто лишь подлинной демократизацией режима, которая вернет трудящимся возможность свободной организации и свободной защиты своих интересов и перед лицом «бюрократических элементов», «ударить которых по рукам» Молотов призывал — о, ирония! — Всесоюзный с'езд этих самых «элементов».

К борьбе за такую подлинную демократизацию режима и толкает диктатура, помимо своей воли, трудящихся своим вынужденным жестом. Этим жестом она сама провозглашает, что на фоне завершенных хотя бы

черне хозяйственных задач генеральной линии встает снова во всей остроте снятый было ликвидацией нэпа с порядка дня политический вопрос. Она сама провозглашает, что отныне все проблемы и внутренней консолидации Советского Союза, и укрепления внешней обороноспособности его упираются в проблему политическую. Она сама возвещает, что, с точки зрения интересов революционного общества, теперь уже нет никаких мотивов для отсрочки политической реформы, и сама внушает трудящимся массам мысль, что их интересы требуют, чтобы реформа эта была произведена в духе «в с е с т о р о н н е г о д е м о к р а т и з м а». Делая свой жест во имя самосохранения и самоукрепления террористически-

диктаторского режима, она таким образом на деле сама стимулирует борьбу трудящихся масс за демократическую ликвидацию этого режима.

Вот, в этом смысле провозглашенная ЦК реформа и 7-й Всесоюзный съезд, приложивший к этой реформе свою печать, действительно отмечают важную историческую грань и знаменуют наступление новой эпохи в развитии русской революции и большевистской диктатуры: эпохи, которая имеет все шансы стать эпохой все шире развертывающейся политической борьбы трудящихся масс за подлинную демократизацию советского режима. Само собою разумеется, что место российской социалдемократии в этой борьбе будет в рядах трудящихся.

„ЗНАТНЫЕ ЛЮДИ СТРАНЫ“

(Окончание).

2.

Чтобы нагляднее показать, как складывается и в какую сторону уклоняется психология «знатных людей», возьмем два наудачу выхваченных примера. И возьмем их не на верхах советского общества, живущих, разумеется, совсем в другом «плане», чем рядовая масса советских граждан, а на самых низах этого общества, там, где «знатные люди» находятся, выражаясь языком химии, «в процессе рождения», где они еще только-только выкристаллизовываются из массового рабоче-крестьянского раствора.

Вот, торжественно, на первой странице «Правды» (1 дек. 34 г.) опубликованная телеграмма из Ростова-на-Дону о «соображениях слесаря Кузьмина» по поводу отмены хлебных карточек: «Я зарабатываю вдвое больше малоквалифицированного рабочего. А карточка у нас одинаковая. Я хотел бы на свои деньги купить больше продуктов, но выше нормы нельзя. Теперь же, кто хорошо работает, много зарабатывает, тот и купит себе все, что ему надо». Или вот описание «бала знатных людей» деревни, у колхозного бригадира Ильича («Пр.», 14 дек.) Подкатывают на «самых залетных конях» бригадиры и председатели колхозов. «Пожаловал» и сам начальник политотдела, которому предлагается «выбирать первые места, как вы есть наш начальник от партии». А затем — «пошли по порядку ломти свинины, захрустели сочные огурцы, зазвенели стаканы» с «влагой» и, наевшись и напившись до отвала, «люди пустились в пляс... Бал знатных людей затянулся до поздней ночи»...

Хорошо, конечно, когда люди могут купить себе все, что им надо. И ничего плохого нет ни в буйном плясе, ни в сытых явствах, ни даже в хмельной влаге. Аскетизм совершенно чужд пролетарскому социализму. Социализм ставит себе даже основной задачей всесторонний подъем материального благосостояния трудящихся, полагая, что лишь на почве полного удовлетворения материальных потребностей человечества возможен полный и нестесненный расцвет его духовной культуры. Можно поэтому только порадоваться и за слесаря Кузьмина, и за бригадира Беляева (Ильича), который на старости лет «нашел огонек жизни». Но вот что обращает на себя внимание: слесарь Кузьмин излагает свои «соображения» перед массой рабочих, которые зарабатывают не «вдвое больше», а вдвое меньше его, и которым поэтому отмена хлебных карточек меньше всего даст возможность «купить себе все, что им надо». А «Правда» с видимым удовольствием печатает его разглаговольствования, как образец «пролетар-

ского» подхода к вопросу. С беспримесным восхищением описывает «Правда», пером Ф. Панферова, и «бал» деревенских «знатных людей». А между тем, пока эти люди пируют, «через синие стекла окон» показываются лица каких-то других людей, — людей, не пирующих, а только «собравшихся посмотреть на гостей у Ильича». Нашел-ли и этот, не знатный, но массовый человек колхоза тот «огонек жизни», который светит бригадиру и его именитым гостям? Как будто, нет! Ибо недаром-же кто-то из этих гостей почувствовал неловкость и «занавесил окно». Но Ильич с этим не согласился: ему, как и Кузьмину, и радость не в радость, если свое «больше» он не может противопоставить чужому «меньше». И потому он «отдернул занавеску — гляди, кому охота».

Не выпирает-ли из этих бытовых мелочей дух того самого «мещанского индивидуализма», который Максим Горький так тщательно всюду разыскивает, не замечая его лишь под собственным носом и в своем ближайшем окружении? Ибо «мещанство» состоит вовсе не в стремлении к материальному благосостоянию и культуре. Ничего «мещанского» в борьбе рабочего или крестьянина за улучшение материальных, бытовых, культурных условий своего классового коллектива нет. Мещанство начинается лишь там, где материальное и культурное благосостояние достигается пеною выделения из коллектива и противопоставления себя ему, болле того — где само наслаждение добытыми материальными и культурными благами достигает полноты лишь в меру противопоставления «зарабатывающих вдвое больше» зарабатывающим вдвое меньше, пирующих «глядящим». И дело несколько не становится лучше от того, что в сознании «зарабатывающих вдвое больше» источником их благосостояния является «хорошая работа». В своем новейшем труде об «идее социализма» Де-Ман еще раз убедительно напомнил, что вся «буржуазная» идеология, как она формировалась в сознании средневековых ремесленных мастеров, вытекала из противопоставления ими своей «трудовой» собственности и «трудового» недостатка насильническому и хищническому богатству феодалов и финансистов-ростовщиков. с одной стороны, «лодырнической» нищете городской и деревенской гольтубы, с другой.

Мы только что видели зарождение самых примитивных форм этого мещанского индивидуализма в рабоче-крестьянских низах советского общества. На его верхах он принимает, разумеется, гораздо более законченные и разветвленные, но в то же время и гораздо более тонкие и «сублимированные» формы, все более окрашивающие всю психологию привилегированных и

правлящих верхов. Только этим и может быть объяснен тот поразительный факт, что даже люди, имеющие за собою многолетнее социалистическое прошлое и в своем сознании остающиеся социалистами, начинают клеймить, как «рвачество», не только стремление отдельных людей из рабочей и крестьянской среды на свой индивидуальный пай всеми правдами и неправдами подняться до того уровня материального благосостояния, который доступен «зарабатывающим вдвое больше», но и самую малейшую попытку коллективной борьбы трудящихся за материальный, бытовой и культурный подъем. А между тем, только в такой коллективной борьбе заключается хоть некоторое противоядие против превращения в «мещанский индивидуализм» и «буржуазное перерождение» того социально-экономического неравенства, которое в известных пределах неизбежно, пока общественный строй не стал сверху до низу действительно социалистическим и бесклассовым.

Мешая организованной и коллективной борьбе трудящихся; подавляя политическую и вообще всякую идеологическую самостоятельность общества; толкая тем самым всю творческую инициативу и энергию его исключительно в сторону «материальных» достижений, — террористическая диктатура сама содействует превращению исторически неизбежного еще неравенства в источник «мещанского индивидуализма». Она сама бросает верхний слой общества, над которым господствует, в объятия «буржуазного перерождения» и тем сама накликает опасность «термидорианской» контр-революции.

**
*

После всего сказанного выше понятно, почему факторов, противодействующих «термидорианскому» срыву революции, меньше всего приходится искать в социалистичности сознания или субъективных намерений большевистских диктаторов или того привилегированного слоя, на который они, в первую очередь, опираются. Но в самих объективных условиях развития русской революции эти факторы проявляют себя с силой,

достаточной для того, чтобы русская социалдемократия могла строить на них свою политику, свои перспективы и надежды.

Привилегированный слой знатных людей находится еще, как указано, в процессе рождения. Его границы еще в высокой степени подвижны. Его состав изменчив. Люди, проникшие в него сегодня, завтра снова оказываются выброшенными из него. И, наоборот, все новые и новые выходцы из трудящихся низов взбираются вверх по социальной лестнице. Как каждый солдат Наполеоновской армии носил в своем ранце «маршальский жезл», так каждый рабочий и крестьянин Советского Союза может сказать о себе, что держит в своих руках патент на звание и преимущества «знатного» человека. Такая ситуация имеет двойкий смысл и рождает двойкие, друг другу противоборствующие тенденции развития. С одной стороны, маршал — это тот, кто выделяется из своего социального коллектива и возносится высоко над ним. Поэтому на деле маршальский жезл становится уделом лишь немногих единиц, а миллионы до конца жизни остаются на положении рядовых, лишь мечтая о «жезде» и этими мечтами расслабляя свою волю к реальной коллективной борьбе за реальный коллективный подъем своего жизненного уровня. Но, с другой стороны, принципиальная доступность маршальского жезла, легкость восхождения по социальной лестнице свидетельствует о крайней неустойчивости и подвижности социальных отношений и о теснейшей внутренней связи правящих верхов общества с его низовыми массами. И это обстоятельство способно не только окрашивать в бодрый, оптимистический тон мироощущение этих масс, но и повышать их энергию в борьбе за лучшую жизненную долю. Составом этих масс, их психологическим состоянием, направлением и объективными условиями их борьбы и, наконец, окружающей их мировой обстановкой и определяется, в конце концов, итог борьбы между двумя указанными выше противоположными тенденциями, одна из которых, толкая массы к пассивности, создает благоприятную почву для «термидорианства».

СМЕРТЬ ГЕРОЯ

(К годовщине восстания австрийского пролетариата).

Есть поражения, которые неумолимо завершают, впечатывают осужденный на смерть этап развития. Таким смертельным было поражение царской монархии в русско-японской войне. Но есть другие поражения, кровавые цветы которых осыпаются семенами будущей жизни. Таким было подавление Парижской Коммуны, разгром восстания на «Потемкине», поражение Московских рабочих на Пресне в декабрьские дни 1905 года. Такова же судьба восстания австрийских рабочих, неиссякаемый источник одушевления и мужества для всех грядущих революционных боев рабочего класса. За перипетиями этой героической и неравной борьбы с замиранием сердец следили сознательные рабочие во всем мире. Смерть косила мужественных борцов. Память о них отзвонится в веках...

Сейчас к годовщине восстания австрийских рабочих вышла книга Паулы Валлиш «Смерть героя», о жизни и смерти Коломана Валлиш, одного из активнейших участников австрийского восстания, руководившего борьбой в Бруке на Муре. Хотя эта книга как будто рассказывает только об одном из участников восстания, она по всему своему внутреннему звучанию посвящена памяти всех павших солдат революции,

австрийскому рабочему классу и его авангарду — австрийской социалдемократии.

Коломан Валлиш никогда не был теоретиком партии, он был ее выдающимся практиком. Его жизнь и деятельность тесно сплелись с жизнью рабочей партийной провинции. Опыт таких людей, как Коломан Валлиш, является одновременно самым ценным материалом для теоретической работы партии и самой надежной проверкой тактической линии ее. Книга спутницы жизни Коломана Валлиша драгоценна и тем, что, не задаваясь этой целью, она сумела зримо и осязательно для каждого читателя показать этот согретый близостью участвующих в нем масс фундамент австрийской партии.

Сын плотника, десятый ребенок в семье, Коломан Валлиш родился в 1889 году в маленьком городке Лугосе, расположенном в юго-восточной части Венгрии, отошедшей после войны к Румынии. С 15-летнего возраста Коломан стал членом социалдемократической партии. Искра идей социал-демократии разгорелась в этом маленьком отсталом уголке отсталой аграрной страны под влиянием русского матроса, участника восстания на «Потемкине» (имени его Паула Валлиш не называ-

другая, наоборот, стимулируя массовую активность, является могучим фактором противодействия всякому термидорианскому перерождению революции и преодоления его.

Но русские трудящиеся массы политически и социально формируются в процессе грандиознейшей революции, какую когда либо знала история. Всякая победоносная революция влечет за собою, в конечном счете, материальный и культурный подъем совершивших ее классов. Но в то время, как, напр., во Франции этот процесс под'ема, в основном, совершался уже в после-термидорианской обстановке, в условиях директории, консульства, империи, когда выделившийся из масс привилегированный слой уже успел вполне оформиться и кристаллизироваться, в России этот процесс целиком протекает в рамках еще не закончившейся революции. Можно спорить о том, насколько материальный уровень широчайших трудящихся масс поднялся по сравнению с до-революционным временем, и даже оспаривать самый факт материального под'ема их. Но во всяком случае нельзя не признать, что худшее осталось уже позади и что, какое губительное влияние ни оказывает режим террористической диктатуры на быстроту и размах под'ема жизненного уровня трудящихся масс, перед ними все же сейчас открываются перспективы, пусть медленного и недостаточного, но все же несомненного под'ема. Но что уже окончательно не подлежит спору, — это громадный культурный и идейно-политический рост масс. Как бы ни голодал рядовой русский рабочий или крестьянин, его духовный облик за 18 лет революции совершенно преобразился, его идейные горизонты и интересы расширились до неузнаваемости. И вся эта радикальная переработка сознания и психики трудящихся масс совершалась и совершается, как уже отмечено, в самом ходе длительной революции. Можно рассчитывать поэтому на то, что реакция этих масс на выделение из их же рядов особого привилегированного слоя (выделение, к тому же, только еще начинающееся) будет совершенно иной, чем она была во Франции конца 18 и начала 19-го века.

Но и социальный состав претерпевающего революционный процесс советского общества совершенно иной, чем он был во Франции. Начать с того, что за 18 лет революции совершенно исчезли с лица советской земли старые привилегированные, господствующие и имущие классы, как особые социальные категории, и, как уже указывалось, именно период генеральной линии закончил этот процесс. Самое представление о «белой» и «черной» кости изгладилось из памяти масс, а молодое поколение этой диковинной классификации костей никогда и не знало. Высокое положение в партийном, военном, административном и хозяйственном аппарате и в Советской России дает немногим фактическую власть над массами. Богатство, хотя бы в виде больших доходов, и там обеспечивает материальные преимущества. Сознанию и чувству советских масс ни «знатность», ни богатство импонировать не могут, и де й н о й и м о р а л ь н о й власти над ними они не имеют.

Но, помимо этого, социальный состав и самих этих масс совершенно иной, чем он был во Франции: все растущую долю их составляет промышленный пролетариат, самое «бытие» которого неизбежно рождает совершенно иное «сознание», чем то, которое было уделом мелких ремесленников и крестьян, бывших носителями французской революции. Не мелкая буржуазия города и деревни, а этот пролетариат является в России «гегемоном» революции, тем основным классом ее, идейно-политическому воздействию которого подвергаются другие революционные классы, и прежде всего — крестьянство. Но и крестьяне в России — это не те мелкие, парцеллярные крестьяне, которых знала французская революция. Конечно, и в колхозе крестьянин, по основным устремлениям своим, остается «мелким буржуа». Но этот «мелкий буржуа» живет не в условиях раздробленного и изолированного мелкого хозяйства, а в условиях хозяйства крупного, заставляющего его и для отстаивания мелкобуржуазных интересов своих прибегать к коллективным формам самозащиты и борьбы и создающего совершенно иную основу для

ет). Прибыв в Лугос, матрос привез с собой несколько социалдемократических листовок и деятельно занялся организацией рабочего просветительного общества. Первыми членами его были сапожники, портные, печатники и каменьщики. Туда же попал через своего старшего брата и юный Коломан Валлиш, духовный облик которого сложился под сильным влиянием впечатлений русской революции.

Война застала рабочего - полировщика Валлиша активным и в окружающей рабочей среде любимым и пользующимся громадным политическим и моральным авторитетом работником социалдемократии. Взятый на военную службу, он провел первые годы войны в тылу, в военной канцелярии в Чегедине. Тут все свободное время он посвящал социалдемократической работе. Вскоре он стал самым популярным человеком среди чегединских рабочих. Когда работники местной текстильной фабрики постановили праздновать 1-ое мая и директор фабрики грозил работницам репрессиями, общее собрание работниц делегировало для переговоров с директором солдата — Коломана Валлиша. Празднование 1-го мая состоялось, но директор уведомил военные власти о Валлише, Валлиш был арестован и предан военному суду. Военный суд постановил отправить Валлиша на передовые позиции.

По возвращении в 1918 году с фронта Валлиш с головой ушел в партийную работу. Уже на одном из первых собраний партийных уполномоченных он был избран секретарем Чегединского партийного комитета.

Начался массовый прилив членов в партию. Образовался Совет Рабочих Депутатов. События развивались бешеным темпом. Страна вступила вскоре на тернистый путь Советской Венгерской Республики, во главе которой стало правительство из коммунистов и социалдемократов. Еще до этого Валлиш был избран членом Центрального Комитета партии. В советский период Исполнительный Комитет Рабочих, Крестьянских и Солдатских Депутатов в Чегедине избрал тройку, которой передал революционную власть в городе и округе. Во главе ее стоял Валлиш. Вскоре французские войска заняли Чегедин, и Валлишу и наиболее известным в городе работникам пришлось искать убежища в Чегеде, расположенном на узкой полосе «Красного фронта», которая была занята революционными солдатами Чегединского полка. По ночам с опасностью для жизни пробирался Валлиш в Чегедин для обсуждения с оставшимися товарищами текущей работы.

В июле 1919 года Валлиш был вызван Центральным Комитетом партии в Будапешт. Его жена оставалась в Чегеде, где принимала активное участие в работе. Между тем белые банды подступали к Чегеду. Жене Валлиша пришлось, не дожидаясь возвращения самого Коломана, скрыться из Чегеда и бежать пешком по стране, уставленной виселицами, где пойманных «коммунистов» убивали нередко по средневековому способу, привязывая к хвосту лошадей, пуская их затем вскачь. От смерти спас арестованную Паулу Валлиш солдат, узнавший в ней жену Коломана. Он сам вывел ее из

идейно-политического воздействия рабочего класса на крестьянство. Социальную основу французского бонапартизма Маркс («18-е брюмера») видел в том, что «династия Бонапартов» представляла «самый многочисленный класс французского общества — парцеллярного крестьянина», и притом — «не революционного, а консервативного крестьянина». Для шансов рабочей борьбы за предотвращение контрреволюции в Советском Союзе не может не иметь существеннейшего значения тот факт, что рабочей класс имеет здесь дело с крестьянством, в преобладающей части своей живущим в условиях не парцеллярного, а крупного хозяйства, и уже по одному этому вынужденным смотреть не назад, а вперед, быть не консервативным, а революционным.

Таковы основные «анти-термидорианские» факторы советской действительности. Но надо указать еще на главный: на те отношения собственности, которые господствуют в советском союзе. Во Франции революция уничтожила феодальную собственность, но оставила в неприкосновенности буржуазную. В России, конечно, буржуазная собственность тоже еще существует — в виде ремесленных и кустарных хозяйств, единоличных крестьянских хозяйств, все расширяющегося сектора «личного» пользования в колхозном хозяйстве. Но собственность на основные средства производства в промышленности и сельском хозяйстве огосударствлена. Чтобы окончательно «термидориански» оформиться и закрепиться, привилегированному слою Советского Союза надо было бы еще овладеть собственностью на средства производства. То, что французские термидорианцы получили в готовом виде, то русским пришлось бы еще отвоевывать в долгой и упорной борьбе.

При определенных внутренних и внешне-политических условиях эта борьба для них отнюдь не безнадежна. В эволюции экономических и социальных отношений в Советской России отнюдь еще не сказано последнее слово. Еще сохраняются шансы развития в ту или иную сторону: поэтому-то, ведь, и можно сказать, что русская революция своего цикла не закончила еще, что

она все еще находится в том «переходном» периоде, конечные итоги которого зависят от хода общественной борьбы и скрываются в тумане будущего. Но во всяком случае подвести под свои политические и социальные привилегии прочный экономический базис в виде капиталистической собственности и таким образом завершить русскую революцию термидориански-контрреволюционным финалом — господствующие слои Советского Союза могли бы лишь путем самой напряженной борьбы. Но мы уже видели, какие факторы внутри самой Советской России противодействуют успеху такой их борьбы. Но не менее, а, быть может, еще более решающую роль в исходе такой борьбы будут играть факторы международного порядка.

**

Для всего хода и возможного исхода русской революции имеет колоссальное значение тот факт, что, в противоположность французской, она протекает в обстановке не начинающегося расцвета капитализма, а, наоборот, неудержимого кризиса всей мировой капиталистической системы.

Это не значит, что автоматически предрешено социалистическое завершение русской революции. Ибо автоматически не предрешен и исход назревающего мирового революционного кризиса: никто не может предсказать, закончатся-ли великие классовые битвы, которые будут характеризовать этот кризис, победой пролетариата и восхождением человеческого общества от капитализма к социализму или победой ныне господствующих классов и фашистским срывом всей капиталистической цивилизации. Тот или иной исход не предрешен фатально, за тот или иной исход надо еще бороться.

Не значит это и то, что русской революции надо лишь, какою угодно ценою, «додержаться» до того времени, когда «последний и решительный бой» преобразит лик всего земного шара. Скорое и одновременное наступление такого «боя», хотя бы только в решающих стра-

подвала, куда она была заперта в ожидании кровавой расправы.

После месяцев скитаний Валлиши обосновались в Мариборе, который после войны отошел к Югославии. Через отца Паулы Валлиш, ветерана социалдемократической партии в Мариборе, Коломан быстро завязал связи с местной социалдемократией и очень скоро приобрел среди рабочих ту же популярность, которая неизменно и всюду сопровождала его деятельность.

Вся деятельность Коломана Валлиша, на всех этапах его жизни так принципиально отлична от деятельности самых преданных своей партии коммунистов, что на ее характеристике — особенно в виду попыток коммунистов после смерти Валлиша оторвать его от социалдемократии — нужно остановиться подробнее, тем более, что книга Паулы Валлиш дает для этого богатый материал.

Коломан Валлиш был ярким представителем социалдемократии периода накопления ее сил на путях упорной, планомерной, хотя и не всегда заметной для глаза посторонних работы, которую он всегда умел сочетать с большой политической работой. Не за мимолетные успехи у своей аудитории дрался Валлиш. И как осторожен был он в апелляции к легко загорающимся революционным эмоциям рабочих! Не потому что он не понимал великой роли революционной страсти, в огне которой сам горел всю свою жизнь! Но он считал, что подлинная революционность состоит прежде

всего в самодисциплине, в умении великую страсть поставить на службу великой цели. Вот почему рабочий никогда не был для него пушечным мясом революции. Вот почему он, рабочий, практик, просиживал иногда ночи, изучая действующее законодательство, чтобы помочь рабочим в дебрях буржуазных законов отстаивать свои права. Вот почему Валлиш всюду, куда ни забрасывала его судьба, был «своим» человеком для самых широких кругов рабочих. Эти методы работы Валлиша вызвали инстинктивное отталкивание коммунистов, очень резко нападавших на Валлиша. Много горького по их адресу сорвалось с уст Паулы Валлиш.

Когда Валлиш работал в Мариборе, коммунисты начали агитацию за стачку железнодорожников. Момент был объективно неблагоприятным, и Валлиш был против стачки. Но когда она все-таки была постановлена большинством, он призвал социалдемократов принять в ней активное участие, ибо высшим законом для Валлиша всю его жизнь было быть вместе с борющимся рабочим классом. После стачки, кончившейся поражением, началась звериная кампания против «зачинщиков» стачки. Характерно, что «зачинщиком» был объявлен Валлиш, а не коммунисты. Инстинкт буржуазии верно ей подсказал, с какой стороны ей грозит действительная опасность. Сейчас же Валлишу вспомнили его деятельное участие в Венгерской Советской Республике, пресса требовала выдачи Валлиша белой Венгрии. Валлишу удалось бежать в Грац. Партийный ко-

нах капиталистического мира, мыслимо и вероятно лишь при условии новой мировой войны в ближайшем будущем, т. е. при условии, которое само по себе в высочайшей степени неблагоприятно для победы. Пока же кризис мировой капиталистической системы протекает неудержимо, но медленно и зигзагообразно. Пока он протекает в условиях крайне неблагоприятных для пролетариата, отброшенного уже в целом ряде стран на чисто оборонительные позиции. Нужна опять-таки упорная и систематическая борьба рабочего класса, чтобы и в этих неблагоприятных условиях не только сохранять свои силы, но еще растить их и готовить к переходу от обороны к наступлению при изменении обстоятельств. Нужна упорная борьба и внутренних сил русской революции за «выпрямление» ее линии, чтобы революция эта могла действительно «додержаться» до наступления обстоятельств, благоприятствующих переходу мирового пролетариата в наступление, более того — чтобы она сама могла быть фактором, не затрудняющим наступление этих обстоятельств, а, наоборот, мощно их наступлению содействующим.

Но что несомненно, так это то, что кризис мировой капиталистической системы дает трудящимся массам Советского Союза, и прежде всего рабочему классу его могучие стимулы для усиления борьбы против капиталистической реставрации и «термидорианского» завершения русской революции; для усиления борьбы за

сохранение социально-экономического строя Союза в том «переходном» состоянии, которое, реализуя подлинную «власть трудящихся», конечно, не даст отсталой России возможности своими лишь собственными внутренними силами, в одиночку перескочить в царство социализма, но сделает русскую революцию действительной союзницей мирового пролетариата в предстоящей ему революционной борьбе и соучастницей его социалистической победы.

Все эти задачи, повторяем, не будут и не могут быть решены в порядке несуществующего исторического автоматизма. Все они требуют со стороны русского рабочего класса, возглавляющего революцию, упорной и систематической борьбы, использующей в своих интересах и целях все элементы внутреннего и внешнего «анти-термидорианства». И лишь в зависимости от исхода этой борьбы определится окончательно исторический смысл и значение и того слоя «знатных людей», при рождении которого мы присутствуем. Он может стать зародышем нового привилегированного и господствующего класса, если борьба русского и международного пролетариата закончится поражением. Он может превратиться в передовой и руководящий слой своего класса, если этой борьбе суждены успехи и победа. Судьбы русской революции, как и судьбы всего мира неразрывно связаны в нашу эпоху с судьбами и борьбой рабочего класса.

Ф. Дан.

СЕЗД КОЛХОЗНИКОВ - УДАРНИКОВ

Несмотря на казенный трафарет и обязательное словословие Сталина, нельзя без громадного интереса читать речи колхозников, выступавших на только что закончившемся втором съезде колхозников ударников. Крестьяне из слоев вчера еще наиболее прибитых нищетой и безправием, крестьянки, недавно лишь осознавшие себя полноправными людьми! Вчерашние батраки, малоземельные, малограмотные. В

их речах нашли яркое выражение острая жажда жизни, громадная активность, ощущение хозяйственного роста и крепкая вера в будущее, свое и колхозное.

Только великая революция могла приобщить их к жизни, поднять их от ничтожества и безнадежности к созидательному творчеству. Перепластав социальные слои, перераспределив накопленные богатства, революция дала возможность выйти в первые ряды вчерашним

митет поручил ему работу партийного секретаря в Фюрстенфельде.

Через короткое время весть о новом секретаре, о «своем» человеке вновь распространилась по округе, вызвав оживление местной партийной жизни. Из-за близкой югославской границы организован был набег на город, чтобы арестовать Валлиша и выдать его затем Венгрии. Но фюрстенфельдские рабочие отстояли Валлиша, а партийный комитет в Граце перевел его на работу в Брук на Муре. Здесь он провел более десяти лет, лучшую часть своей жизни, окруженный огромной любовью и преданностью рабочего населения всего округа и жгучей ненавистью буржуазии. Ненависть буржуазии к Валлишу доходила порой почти до мании. Ни один домовладелец не соглашался сдать ему квартиру. В течение многих лет Валлиш, чрезвычайно занятый партийный секретарь и депутат парламента, должен был ютиться с женой и братом жены и его женой в однокомнатной квартире. И когда нашелся «либерал», сдавший Валлишу квартиру, его выкинули за это из союза домовладельцев!

Когда по настоянию областного комитета партии Валлиш должен был переехать в Грац, рабочие Брука хотели отпустить Валлиша. Настроение после мартовских событий 1933 года (первый государственный переворот Дольфуса, упразднение парламента) было вообще подавленное. Местные хеймверы нападали на рабочих, разгоняя социалистические собрания. Партийный центр, оценивая обстановку в целом, медлил с ре-

шительными мерами. Около этого времени Валлиш был в Вене и вернулся в Брук в очень тяжелом состоянии. Ему казалось, что партия делает ошибку, отсрочивая решительную схватку с фашизмом. Когда осенью 1933 года Валлиш уезжал из Брука, на проводах его многие рабочие плакали. Он обещал, что, когда дело дойдет до боя, он немедленно вернется в Брук.

Свое слово Валлиш сдержал. Как только весть о состоянии в Вене дошла до Граца, Валлиш с женой, которая не хотела отстать от него в такую минуту, приехал в Брук. Здесь он руководил боями, а когда в городе уже нельзя было держаться, Валлиш, не желая сдаваться, ушел с отрядом в 360 человек в горы. Об этом героическом походе, об аресте, суде и мужественной смерти Валлиша уже много писалось. Но из книги Паулы Валлиш мы узнаем некоторые, оставшиеся неизвестными, но для личной характеристики Валлиша и его ближайших соратников характерные подробности, на которых нужно остановиться. Когда решение о роспуске отряда было принято, 20 человек отказалось покинуть Валлиша. Оборванные, голодные, в снежных сугробах полу-босые люди шли дальше. Жандармерия, хеймверы, все бросились на охоту за ними. Оставшись одни, они поклялись в верности друг другу и в верности социалдемократии. Но настал момент, когда и этой кучке людей нельзя было больше держаться вместе и пришлось расстаться. Решено было, что каждый из них попытается самостоятельно пробираться к границе. Одну ночь Валлиш с женой и еще одним товарищем про-

Контора «Соц. Вестника» просит лиц, имеющих лишние № № журнала «Соц. Вестник» за годы 1921-1932, предоставить их в распоряжение конторы бесплатно или-же за небольшую плату. Расходы по пересылке будут оплачены конторой.

беднякам и бесправным. На этом съезде говорил не старый крестьянин-единоличник с его патриархальной верой в «божью землю», а новый колхозник, готовый руководиться велениями науки и техники. Эти речи интересны тем, что они насыщены действенностью молодого социального строя, острым желанием материальных и культурных благ жизни, что от обычной крестьянской ограниченности и пришибленности не осталось и следа. Выступления на съезде отразили новый удельный вес различных групп внутри деревни и новые взаимоотношения между государственной властью и деревней.

Но было бы большой ошибкой полагать, что только что окончившийся съезд был представительством всего крестьянства, что он выражал желания крестьянских масс, что он отразил условия жизни, в которых живет основная масса крестьянства. Вопреки утверждениям власти это не был съезд крестьянства, это даже не был съезд колхозного крестьянства, а лишь съезд «знатных людей» деревни. Из 85 милл. колхозников были выделены 1.500 колхозников-ударников, заслуживших доверие ВКП и власти. Это был съезд администрации колхозов, председателей, бригадиров, заведующих фермами, трактористов и ударников, облаканных почетом, премиями и трудовыми. Этот съезд отразил в первую очередь настроения и чаяния нового, находящегося еще в состоянии формации, господствующего слоя колхозной деревни. Съезд выявил также и отношение власти к этому новому слою деревни. И в этом его громадное значение!

Мы не раз в наших статьях доказывали, что коллек-

вели в огромном стогу сена в поле около деревни. На утро в деревне появились жандармы, ища Валлиша. Услышав приближающиеся к стогу шаги, Валлиш хотел застрелиться, но жена отвела его руку, прося, чтобы он застрелил сперва ее. Жандармы прошли мимо. Потом на последнем свидании перед казнью Валлиш поблагодарил жену за то, что она не дала ему покончить с собой: «Таким образом я смог еще многое сказать этим господам, что им было неприятно, и я смогу принести пролетариату мою последнюю жертву, умереть за него».

Из книги Паулы Валлиш мы впервые узнаем, что, отправляясь в Брук, Валлиш сказал жене, что считает восстание «организованным самоубийством». Он отдавал себе отчет в силе правительства, в слабости рабочего класса, в том, что восстание не встретит сейчас активной поддержки в широких рабочих массах. И он знал больше: он отдавал себе отчет в том, что, если бы даже случилось чудо и повстанцы одержали бы победу, продолжительность этой победы исчислялась бы днями. Но он понимал, что удержать активные элементы рабочего класса от восстания невозможно, и без колебания встал в первые ряды бойцов. И еще он отдавал себе отчет в том, что восстающие спасают сейчас честь рабочего движения и, жертвуя собой, обеспечивают возможность будущей победы рабочего класса. Во имя этой будущей победы он сознательно пошел на смерть.

В. Александрова.

тивизация принесла деревне новую агротехнику и механизацию, что она повысила общий культурный уровень деревни и что благодаря этому происходит общий подъем сельского хозяйства в СССР. Но мы также неоднократно указывали, что этот процесс происходит замедленно и зигзагообразно, главным образом из-за того, что советская власть мерами административными, налоговыми и финансовыми отбрасывает у крестьянства по очень низкой цене значительную часть продуктов их труда, и что планы индустриализации и первой и второй пятилетки проводятся главным образом за счет недоплаты крестьянству за производимые им продукты. Эта политика отнимает у крестьян стимул к целесообразному производству и естественно замедляет общий подъем крестьянства, даже колхозного.

Но некоторый слой в деревне, различными нитями связанный с властью, ею выдвинутый на первые административные и хозяйственные места, в последние годы стал несомненно хозяйственно крепнуть и осознавать свою материальную обеспеченность. Советская власть в последние годы получила возможность в каждой деревне, в каждом колхозе опираться хоть на узкий, но за совесть преданный ей слой. «Знатные люди» в деревне, правда, не многочисленны, но они наиболее активны, они имеют, кроме того, за собой весь авторитет власти и содействие партийной организации.

Восторженный рассказ некоторых делегатов съезда о росте зажиточности колхозов верно отражает настроение именно этого слоя крестьянства. У колхозников-ударников действительно имеется основание для полного удовлетворения. Достаточно сравнить доходы рядового колхозника с доходами ударника. Правда, и средний доход рядового колхозника возрастает, но очень медленно, всего в год на 1-2 килограмма на трудодень, и он в 1934 году выражался в цифрах весьма далеких от зажиточности (см. мою статью «Стали ли колхозники зажиточными» «С. В.» № 22, 1934 г.). По данным Колхозного Института за 1933 год свыше 15% всех трудоспособных колхозников выработали за год лишь до 50 трудодней, свыше 50% колхозников выработали ниже 100 трудодней и лишь 8-10% выше 300 трудодней. Между тем по докладам на съезде, колхозники-ударники выработали по 600-800 и даже 1000 трудодней, причем доходы их иногда достигали 1000 и даже 1500 пудов зерна. В Северо-Осетинской автономной области в одном колхозе имеются 3 ударника, получившие каждый по 4.700 пудов разных культур!

«Получил я свыше 1000 пудов пшеницы, сыновья мои тоже около того, купили мы себе одежду и сапоги, купили две телушки, починили избу, теперь хотим улья ставить» (Урал).

«Мне сейчас, товарищи, хорошо. У меня, вечного батрака, сейчас все есть: у меня одежда хорошая, у меня патефон есть, велосипед, ружье, часы, есть хорошая постель, хорошая квартира, у меня корова, свинья и птица. Мне жить хочется!» говорит заведующий молочной фермой.

«Всего я накупила, всего хватает, — рассказывает механик Баходина, — 32 платья себе нашила, сама смеюсь над этим, зачем мне столько» (Зап. Сибирь).

«Для меня в колхозе жизнь стала много богаче, лучше и интереснее. Никогда раньше мы не имели столько денег, хлеба и столько продуктов, у меня самой 566 трудодней. Были мы темными, неграмотными людьми, выше земли мы головы не могли поднять... Теперь у меня одна дочь кончает учиться на агронома, а другая, шестилетняя, ходит в детский сад и говорит, что будет инженером. Будет! И почему ей теперь не быть?» (Закавказье).

Можно умножить примеры речей представителей нового, рожденного революцией «крепкого» крестьянина. При этом следует учитывать, что в этих речах очень часто звучит не только удовлетворение, порождаемое личным материальным достатком, но и возможностью проявлять в колхозе свою хозяйственную активность и способствовать культурному и хозяй-

ственному под'ему своих соколхозников. У нас нет места для того, чтобы привести примеры того, как восторженно рассказывают ударники о том, что «в их районе все избы освещаются электричеством», что «в их селе уже третья школа с курсом бывшей гимназии», что «для детей устроены ясли, а для рожениц специальные медицинские пункты», что «в деревне имеется радио-пункт» и т. д.

«Мы будем биться за то, чтобы сделать не только одного-двух колхозников зажиточными, а за то, чтобы все колхозники были зажиточными» — таково настроение большинства выступавших ораторов.

Эти настроения рождены революцией, воспитаны необходимостью вести всю работу в условиях колхозного коллектива, а не старого единоличного мелкого хозяйства!

Для того, чтобы создать впечатление грандиозного хозяйственного роста, советской власти достаточно было из 240.000 колхозов выбрать лишь несколько тысяч образцовых и в этих колхозах отобрать лишь по одному-два ударника на каждый колхоз. Но картина благополучия и благоденствия, получившая после этого отбора свое отражение на с'езде, совсем нехарактерна даже для колхозной деревни.

Каждый случай в отдельности, быть может, верен, более того, он отражает некоторую тенденцию роста современной деревни, но он не показателен для действительных условий, в которых живет сегодня многомиллионная масса колхозников, как никогда не бываю показателны 1 или 2% для всей сотни изучаемых фактов. Иные ораторы прямо говорили:

«Таких колхозов, как наш, у нас в районе найдется, ну еще один» (Западная Сибирь). «Наш колхоз самый передовой, а рядом с нами отсталые колхозы с урожаями в два раза меньшими» (Крым).

О том же говорят представители Днепропетровской области, Карелии, Волги, Урала, Челябинской области, Киевской области и т. д.

Конечно, от старой деревни не осталось и следа, конечно, крестьянство в своей массе сильно культурно выросло, конечно, несколько увеличились потребности, отчасти и потребление рядового крестьянина, но и сейчас, несмотря на общий рост продукции сельского хозяйства, «зжиточность» широких масс крестьян, к сожалению, еще музыка будущего. Основная причина этого в том, что, — как мы писали уже не раз, — хозяйном хлеба является не крестьянин, не колхоз, а государство. Все немногочисленные данные о доходах крестьян и за 1933 и за 1934 год заставляют сделать вывод, что средний уровень дохода рядовых крестьян еще весьма низок.

Некоторые моменты работ с'езда будут иметь большое политическое значение. Для современных колебаний в общей политике советской власти в высшей степени характерно, что в руководящих кругах диктатуры как будто зреет решение опереться в своей будущей крестьянской политике на слой колхозников-ударников, слой, явно преуспевший от коллективизации и аграрной революции. Быть может именно доверие к этому слою и его определяющему влиянию в деревне побудило советскую власть решиться на прокламирование равных и тайных выборов в советы.

Но было бы неправильно считать, что этот слой в силу своей привилегированности совершенно не отражает настроения крестьянских масс. Искаженно и верноподданнически, но с'езд ударников выявил некоторые требования деревни. Идя навстречу желаниям, раньше всего этого слоя колхозников, советская власть внесла в устав колхоза легализацию усадебного хозяйства и значитель-

ЗАГРАНИЧНАЯ ДЕЛЕГАЦИЯ Р. С. Д. Р. П. РЕКОМЕНДУЕТ ЧЛЕНАМ ПАРТИИ И СОЧУВСТВУЮЩИМ ПРИОБРЕТАТЬ И ВЫПИСЫВАТЬ ВСЕ ГАЗЕТЫ, ЖУРНАЛЫ И КНИГИ ЧЕРЕЗ КНИЖНО-ГАЗЕТНОЕ БЮРО ПРИ «СОЦИАЛИСТИЧЕСКОМ ВЕСТНИКЕ».

БЮРО ВЫПОЛНЯЕТ ВСЕ ЗАКАЗЫ ПО ЦЕНАМ ИЗДАТЕЛЬСТВ.

но увеличила количество скота и птицы, могущих использоваться в личном хозяйстве колхозника, притом не только в целях потребительских, но также для продажи на рынок. Менее отчетливо, но советская власть пошла навстречу также и интересам колхоза, как коллектива. Здесь интересно сравнить первый с'езд колхозников со вторым. На первом с'езде господствовала директива закрепить права государства в ущерб правам колхозников. Увеличение доли хлеба, отдаваемой государству и увеличение размера всяких колхозных фондов — на первом с'езде. Уменьшение доли, идущей в неделимый фонд и увеличение доли, распределяемой самим колхозникам — на втором. Усиление власти правлений и бригадиров, предоставление им права на штрафы и исключения из колхоза — на первом, усиление власти общих собраний, предоставление лишь квалифицированному большинству общих собраний права на исключение и одергивание правления и бригадиров за неумеренное штрафование — на втором. Тогда — в центре стояла задача борьбы с «антигосударственными» настроениями колхозников, стремившихся оберечь свое личное хозяйство, теперь — широкая уступка именно этим настроениям колхозников.

Но делая уступки в отдельных, хотя и существенных вопросах, советская власть не сделала ни шага в направлении примирения с крестьянством в главном пункте спора: в вопросе о цене за отбираемый государством у колхозников хлеб. Теперь, после отмены карточек и значительного повышения цен на хлеб, продаваемый государством, крестьянство особенно остро ощущает ничтожный размер платы, по которой у него отбирает хлеб государство. Теперь перед каждым крестьянником, единоличником и колхозником, вопрос о цене на хлеб как никогда стоит остро и оголенно ясно.

На с'езде ударников этот вопрос не обсуждался. Правда, один из ораторов неловко напомнил, что

«на прошлом с'езде Михаил Иванович Калинин обращался к нам, колхозникам, и говорил: товарищи, рабочие вам наделали машин, а вы нам побольше хлеба выработайте, чтобы карточки уничтожить, уж больно они нам надоели. Я очень рад, что как раз к этому нашему с'езду карточек больше нет. Я надеюсь, что Михаил Иванович нам парочку слов скажет и он нас похвалит маленько за то, что мы его от карточек освободили».

Но тщетно! Ни похвалы, ни благодарности крестьянство в целом не дождалось. И опять к моменту посева крестьянство должно приниматься за свой тяжелый труд с горьким сознанием, что плоды его вновь в львиной доле получит государство.

Соглашение со всем крестьянством, с основной массой крестьянства, а не с узким привилегированным слоем ударников — эта основная задача — попрежнему стоит перед революцией. При современном международном и внутреннем положении советской власти неразрешение этой проблемы может быть весьма опасно и для советской власти и для революции.

А. Югов.

ВОПРОСЫ ВОЙНЫ И МИРА

В отчетном докладе председателя Совнаркома на 7-м всесоюзном съезде советов содержатся два, друг друга на первый взгляд исключают, утверждения. Оценивая «основные результаты» внешней политики советского правительства за 4 года, Молотов, при бурных аплодисментах всего съезда, заявил, что «дело установления нормальных отношений с другими странами Советским Союзом в основном решено». В то же время Молотов с нескрываемой тревогой, которую он старался внушить съезду советов, а через него и всей советской общественности, констатировал, что «непосредственная опасность войны для СССР усилилась».

Это бросающееся в глаза противоречие в авторитетных заявлениях главы советского правительства «снимается» лишь в том случае, если допустить, что под «установлением нормальных отношений» он разумел лишь восстановление формальных, дипломатических и торгово-политических, отношений со странами капиталистического окружения. Признание Советского Союза Соед. Штатами было последним и едва ли не труднейшим успехом на пути борьбы за признание, растянувшейся на целых 15 лет. Вхождение Советского Союза в Лигу Наций явилось увенчанием этой упорной и трудной борьбы за установление «нормальных отношений» с капиталистическим миром.

Включение Советской России в систему международных отношений капиталистического мира уже само по себе увеличивало шансы мира, как для самой России, так и для всего мира. Но в то же время оно таило в себе и опасность вовлечения Сов. России в запутанный, военно-опасный клубок европейских и мировых конфликтов, порожденных, главным образом, неудачным завершением мировой войны в форме Версальского мира.

Бесспорно, в активе внешней политики советской власти имеются крупные достижения: восстановление дипломатических и торгово-политических отношений почти со всеми странами, заключение пактов о ненападении, подписание рядом стран советского определения нападающей стороны (агрессора), сближение с Францией, вхождение в Лигу Наций, подготовка восточного Локарно. Но ошибки прошлого и противоречивость основной линии внешней политики диктатуры, все еще колеблющейся между национально - государственным реализмом и социально - революционным утопизмом, продолжают оказывать свое влияние на международное положение Советского Союза, которое аутентически охарактеризовано главой правительства, как «неблагополучное по военной опасности, несмотря на установление «нормальных» отношений с окружающим миром. Можно ли в самом деле считать «нормальными» отношения, напр., с Японией и Германией, о которых Молотов на съезде советов отзывался, как о странах, правительства которых «открыто провозгласили своей исторической миссией захват территорий в Советском Союзе»?

***

Еще совсем недавно международное положение Советского Союза казалось как будто упрочившимся. Это не значит, что угроза войны со стороны названных Молотовым стран совсем исчезла. Но отказ от политики Рапалло, переход из ревизионистского лагеря в антиревизионистский, сближение с Соед. Штатами, альянс с Францией, вхождение в Лигу Наций, примирение с Малой Антантой, подготовка восточно - европейского пакта, все это знаменовало собой разрыв удушающе-

го кольца изоляции, укрепление внешне-политического положения Союза, его возвращение на арену европейской и мировой политики в качестве великой державы. Сближение с Францией и Малой Антантой обеспечивало европейский тыл Советской России на случай войны с Японией; сближение с Соед. Штатами обеспечивало азиатский тыл Союза на случай войны с Германией и Польшей. В этих перестраховочных комбинациях Сов. Россия играла роль уже не простого объекта политики или запасной карты в чужой игре, а роль достаточно сильной фигуры на шахматной доске мировой политики. Нельзя, однако, не видеть, что внешне-политическое положение Советского Союза в самое последнее время начало ухудшаться.

Мы отметили уже («С. В.» от 20 дек. 1934) первые признаки этого ухудшения. Во Франции заметно усилилась тенденция к непосредственным, прямым переговорами с Германией, к перестраховке только что воскрешенного франко - русского альянса путем сближения с Италией и Англией, странами, отнюдь не приходящими в восторг от перспективы франко - русского военного союза. Торгово - политический разрыв Соед. Штатов с Сов. Россией, несомненно форсированный с целью «дистанцироваться» от нее и подчеркнуть перед Японией отсутствие военносоюзных отношений и даже планов военной кооперации с Сов. Россией, также явилась грозным признаком ухудшения внешне-политического положения Союза. Рано еще говорить об изоляции Сов. России, но за Литвиновым уже не ухаживают, как прежде, и о Советском Союзе все чаще говорят в дипломатических канцеляриях в третьем лице.

Откуда этот холодок отчуждения? Им не случайно потянуло после убийства Кирова и последовавших за ним событий. Декабрьский буран в России не был воспринят на западе, как простой метеорологический эпизод в суровом климате диктатуры. Убийство Кирова, ответная волна террора, крутая расправа с оппозиционной «старой гвардией» большевизма были истолкованы на Западе, как симптомы падения престижа диктатора, неустойчивости всей системы, глубокого разрыва между властью и населением. Советская Россия вновь предстала перед Европой и Америкой во образе «больного человека», смерти которого дожидаются нетерпеливые «наследники». Снова в известных кругах начал укрепляться взгляд на Сов. Россию, как на некий «компенсационный фонд», за счет которого можно было бы, в сущности, разрешить все территориальные притязания и конфликты, как в Европе, так и в Азии.

Нечего говорить о том, как разгорелись захватнические аппетиты гитлеровской Германии, Польши и Японии. Но мысль о Сов. России, как о компенсационном фонде, явно начинает владеть также и умами влиятельных кругов в Англии, Италии и даже во Франции. Идея гарантийного восточно - европейского пакта уже не встречает прежнего признания. Наоборот, в новейших внешне-политических комбинациях компромиссные планы соглашения с Германией все чаще связывают консолидацию мира в Зап. Европе с «предоставлением Германии свободных рук на востоке». А разве оживление военной деятельности Японии на Дальнем Востоке, захват Внутренней Монголии, продвижение к «контролируемой» советами Внешней Монголии, «паназиатская», а по существу, антисоветская диверсия японской дипломатии в сторону сближения с Китаем и т. п. не являются ярким свидетельством готовности военной партии Японии урвать из «компенсационного фонда», именуемого Советской Россией, львиную часть — Сахалин, Приморскую область, Внешнюю Монголию и даже всю

Восточную Сибирь? И разве пассивное отношение Англии и Соед. Штатов к последнему «прыжку пантеры» японского империализма в Чахаре не наводит на мысль, что отсрочка, если не предотвращение, неизбежного конфликта на Тихом океане, мыслится иными дипломатами в Англии и Америке легко осуществимой за счет России, путем отклонения острия японской экспансии с юга на север?

Внешне-политические последствия декабрьских событий в Сов. России в связи с общим ухудшением международной обстановки несомненно сыграли роль среди факторов, побудивших Сталина вступить на путь внутренних реформ. С повелевающей необходимостью встала задача принятия срочных мер для укрепления тыла и для поднятия престижа советской власти вовне. Разумеется, для возмещенной на съезде советов новой «эпохи великих реформ», венчающих генеральную линию, было предостаточно побуждений внутривнутриполитического порядка. Но столь же несомненно, что новый зигзаг генеральной линии вправо был продиктован и соображениями внешнеполитического свойства.

Надвинувшаяся опасность войны заставила советскую власть позаботиться не только о поднятии военно-технического «потенциала» страны, но и о политической и народно-хозяйственной подготовке. Одной проповеди советского патриотизма и возвеличения мощи Красной Армии оказалось недостаточно, чтобы рассеять возникшие у возможных союзников Сов. Союза сомнения в действительной способности его не только отразить первый натиск, но и выдержать длительную и упорную борьбу, быть может, на двух фронтах, отделенных друг от друга многими тысячами километров.

Но, конечно, не возмещенные мнимо-демократические реформы (к которым придется еще вернуться), а лишь действительная демократизация советского строя на почве отказа от партийной диктатуры и восстановления свобод, и лишь серьезный переход на путь обеспечения крестьянству свободы хозяйственного самоопределения могли бы превратить Советскую Россию из «компенсационного фонда», разжигающего аппетиты всех империалистических хищников, в самостоятельный фактор мировой политики — и политики мира.

**

Но наметившееся ухудшение внешнеполитического положения Советского Союза только частью должно быть отнесено за счет вскрывшегося в декабрьских событиях внутреннего кризиса диктатуры и проводимой ею генеральной линии. В немалой степени оно объясняется изменением всей международной конъюнктуры. Как бы ни обстояло дело в России и с Россией, Франция не могла, по видимому, удовлетвориться союзом с СССР для обеспечения своей безопасности. Как западная держава, она, так сказать, геополитически вынуждена искать опоры против обострившейся германской опасности на своих флангах — в Италии и Англии.

Соглашение с бывшими союзниками на Западе было однако делом нелегким. Соглашение с Италией наталкивалось не только на коренное различие политических режимов: французская дипломатия, наладившая в прошлом союз с царизмом, потом с большевизмом, не остановилась, понятно, перед сближением с итальянским фашизмом. Но это сближение потребовало от Франции территориальных жертв — в колониях — в пользу Италии и главное — оно поколебало спайку Франции с Малой Антантой и с Балканским блоком, — спайку тем более важную, что Польша перекочевала в лагерь германских вассалов. Почвой для сговора между Францией и Италией послужило отрицательное отношение к аншлусу. Но в то время, как Франция заинтересована в сохранении независимости и целостности

Австрии, чтобы предотвратить этот решающий шаг Гитлера на пути к «Великой Германии», Италия хлопочет об австрийской независимости, главным образом, на предмет обеспечения своего протектората над Австрией и создания из нея аванпоста для своей гегемонии в Центральной Европе и на Балканах. Но именно это обстоятельство заставило Малую Антанту и Балканский блок насторожиться: в конце концов аншлус Австрии к Германии представляется им даже меньшим злом, чем восстановление Австро-Венгерской монархии под протекторатом Италии или чем усиление позиций Италии в центральной и юговосточной Европе. Римское соглашение предусматривает, правда, создание дунайского регионального пакта, но это обстоятельство не внесло успокоения ни в ряды Малой Антанты, ни в ряды Балканского блока, пытающихся укрепить свои пошатнувшиеся позиции сближением с Советским Союзом.

Положение стало еще более неустойчивым и неопределенным после Саарского плебисцита. Оглушительная победа гитлеровской Германии в Саарской области несомненно усилила несговорчивость и повысила требовательность германской дипломатии. Конечной целью гитлеризма является европейская, а затем и мировая гегемония. К осуществлению этой цели Гитлер идет двумя путями: пангерманизма в форме «собрания немецких земель» и «колониации востока» («Drang nach Osten»). Выбор того или другого пути определяется в каждый данный момент общей ситуацией. После неудачи революционного аншлуса Австрии в июле прошлого года в политике Германии начала преобладать линия восточной экспансии в союзе с Польшей. Удача саарской операции снова увлекает гитлеризм на путь пангерманизма, сталкивая Германию прежде всего с Францией и с государствами Центральной Европы. Отсюда возросшая тревога Франции за свою собственную безопасность, «перекрывающая» ее беспокойство за безопасность своих союзников.

Лондонское соглашение заключено под знаком этой тревоги. Организация безопасности на Западе Европы — такова его основная цель. Франция вынуждена была пойти в Лондоне на легализацию германских вооружений, чтобы только получить возможность, в сотрудничестве с Англией, т. е., при ее поддержке, добиваться вхождения Германии в Лигу Наций и подписания ею общей конвенции об ограничении вооружений. Воздушное Локарно, намеченное в Лондоне, перестраивает отношения между Францией и «гарантом» локарнского пакта 1925 г., Англией, на началах взаимности, что является для Франции шагом вперед. Но эти успехи достались ценой ослабления напора Франции в деле реализации восточного пакта, из которого лондонское соглашение неслучайно, по видимому, вырвало «жалюзи»: указание на взаимную военную поддержку против нападающей стороны. Все эти уступки, сделанные Францией Англии, не помешали однако Германии занять внешне примирительную, а на деле цинично-вызывающую позицию по отношению к лондонским предложениям, имеющим то преимущество, что они впервые формулируют конкретную базу соглашения. Германия в своем ответе стремится вбить клин между Францией и Германией, а также между обеими этими странами и союзниками Франции, заинтересованными в заключении восточного пакта, обеспечивающего безопасность на востоке Европы.

Энергичная нота, врученная советскими полпредами в Париже и в Лондоне, по видимому, возымела, в связи с вызывающим и вместе уклончивым ответом Германии, некоторое действие. В Англии усиливаются голоса против сужения практических задач, вытекающих из лондонского соглашения, до обсуждения од-

ной только воздушной конвенции: все вопросы, поднятые во франко-английских переговорах, значит, и восточно-европейский пакт, должны быть решены одновременно. Увы, это едва ли последнее слово: европейская политика обнаруживает все симптомы перемежающейся лихорадки...

Настороженно - критическое отношение советской печати к лондонским соглашениям вполне понятно. Она опасается, что мир на Западе будет куплен ценой сохранения неустойчивости положения на востоке, т. е. за счет лимитрофов и Сов. России. Но такое решение означало бы только перенесение в восточно-европейскую зону исходного очага европейской и мировой войны.

Между тем ясно: дело мира неделимо. Оно должно быть обеспечено на западе и на востоке, с Германией или без нее. Германия должна быть поставлена перед выбором: или включиться в международную организацию мира и коллективной безопасности на основе подконтрольного разоружения и ли оказаться перед сплоченным фронтом заинтересованных в сохранении мира держав. Но соглашение с Германией на почве отказа от восточного пакта или путем его выхолощивания означало бы развязывание ей рук на востоке, против Советской России, и провоцирование новой мировой войны, подготовляемой почти открыто германско-польско-японским блоком.

Не из симпатии к сталинской диктатуре, неуклюже напяливающей на себя домино демократических реформ, а в интересах русского народа и всемирного мира международный пролетариат должен бороться против всех попыток соглашения с Германией и Японией за счет Советской России.

П. Гарви.

Р. С. — На мою статью: «На опасном пути» (Партийная Трибуна в № 1 «С. В.»), посвященную вопросу о пролетарском единстве и русской проблеме, тов. Дан ответил полемической заметкой под заглавием «Недоразумения — политические и иные». Не имея возможности продолжать сейчас эту полемику, я при случае вернусь к затронутым в ней вопросам, и тогда читатели, надеюсь, убедятся, что все «недоразумения» на стороне тов. Дана.

П. Г.

Заставь богу молиться ...

Одной из вершинных точек советского съезда было выступление писателя Авдеенко. В этом выступлении писателя, выбившегося из беспризорных, политический пафос перешел в патетическую лирику, казенная дань любви и преданности «великому вождю» в коленопреклоненное иступление. Лирико - политический экспромт «пролетарского писателя» вызвал бурю восторга на самом съезде и был умело «подан» в отечественной печати и в зарубежной большевикфильской прессе под интригующим заголовком: «За что я апплодировал Сталину?»

Это византийское действо в присутствии самого, при жизни обоготворенного, кремлежителя, скромно вдыхавшего фимиам за столом президиума, никого на съезде не покорило. Ведь культ вождя стал государственной необходимостью, политической задачей, партийным делом, повседневной обязанностью. Персонафикация диктатуры имеет свою логику — и свои законы...

Но на этот раз лирический экстаз «писателя из народа», потрясенного зрелищем единения большевистского вождя с советским народом, показался естественным порывом чувства, выражением поэтической непосредственности, правдивым откликом переполненной

восторгом души. Почему бы нет? Не все же льстецы по профессии и подхалимы по убеждению!

Но надо же было случайно подвернуться старому номеру «Правды», от 9 декабря. В подвале — фельетон «Об интеллигенте», речь писателя А. Авдеенко на собрании советской интеллигенции Свердловска, посвященном выборам в советы. Авдеенко? Тот самый? Надо почитать!

Читаем — и глазам не верим. Не только «тот самый», но и — то же самое! Слово в слово. Судите сами:

В Москве на съезде

Я не поражен никакими болезнями. Я силен. Я воспитываю в себе самые лучшие человеческие чувства: любовь, преданность, честность, самоотверженность, героизм, бескорыстие — все благодаря тебе, великий воспитатель Сталин!

Я пишу книги, я — писатель, я мечтаю создать незабываемое произведение. Я по-новому люблю девушку, я продолжаю свой род, он будет счастливым, — все благодаря тебе, великий воспитатель Сталин!

Я счастлив, жизнерадостен, непоколебимо бодр... Я буду жить сто лет, волосы мои поседеют, но я останусь вечно счастлив, радостен, — все благодаря тебе, великий воспитатель Сталин!

Я могу полететь на луну, поехать в Арктику, изобрести новую машину, ибо моя творческая энергия никем не попирается — все благодаря тебе, великий воспитатель Сталин!

Нас много. Мы — инженеры, писатели, летчики, журналисты, слесаря, монтеры, машинисты члены правительства, хозяева городов, исследователи Арктики, ученые — все благодаря тебе, мудрый воспитатель!

И т. д. И т. д. — все в том же тоне и в том же духе, в Свердловске и в Москве!

В Свердловске перед съездом

Я интеллигент, я пишу книги, я учусь, радуюсь, люблю по-новому девушку, жду ребенка, живу в сильной, известной, громадной стране, не думаю о своем завтрашнем дне, хожу в театры, выбираю сам себе свою власть, — все благодаря тебе, советская власть!

Я могу быть настоящим писателем. Я буду жить в социализме, для меня будут все люди братья, я буду жить в мире вечно-радостных и счастливых — все благодаря тебе, советская власть!

Я мечтаю создать что-нибудь бессмертное, полететь на луну, объездить весь земной шар, увидеть социализм в Европе и Америке... и все это благодаря тебе, советская власть!

Я счастлив, я смел, жизнерадостен, дерзок, силен, любопытен, любознательный, полюбивший все красивое, хорошее, правдивое. Я похож на моих товарищей, мои товарищи на меня, — все благодаря тебе, советская власть!

Так вот он — «порыв сердца», «лирический экспромт», поэтический оргазм! Так вот он — без лесты преданный, без меры восторженный, «переродившийся» поэт! Хитро наигранная пластинка, заемный пафос, расчетливый восторг... Но византизм — это не только раболепство в низах, но и жажда лесты на верхах. Предложение вызывается спросом, и ударники подхалимства и угодничества «соревнуются» в курении фимиама диктатору. Ибо Сталину, великому Сталину нужна не только кровь врагов, но и лесть рабов. Авдеенко — ведь, это только один из малых сих, развращенных обстановкой сталинского самодержавия и соблазненных «учителем», «великим писателем земли Советской», Максимом Горьким, к которому как нельзя лучше пристали гневные слова, обращенные к одописцу Александра III:

«Ты чудный дар поэта променял
«На жалкий свист придворной птицы!...»

Ю. Ч.

ТОВАРИЩ,

ПРОЧИТАВ, ПЕРЕДАИ ДРУГОМУ!

ПОМНИТЕ О СТРАШНОЙ НУЖДЕ ССЫЛЬНЫХ И ЗАКЛЮЧЕННЫХ!

ЗАГРАНИЦЕЙ

СОЦИАЛИЗМ В ДАНИИ.

Редакции теоретического ежемесячника наших швейцарских товарищей, «Роте Ревю», пришла в голову счастливая мысль посвятить целую книжку журнала (№ 4, декабрь 1934 г.) материалам о положении социализма в малых странах севера и северо-востока Европы. Если оставить в стороне Бельгию, где условия развития и проблемы социализма имеют совершенно особый характер, то речь идет о странах (Финляндия, Швеция, Норвегия, Дания, Голландия), имеющих между собой много общего в экономическом, социальном, культурном и политическом отношениях. В большей или меньшей степени все это страны с давними историческими традициями политической и культурной демократии, опирающиеся на крепкое крестьянство. Все они — Голландия до известной степени составляет исключение в этом отношении — исторически развивались, так сказать, в стороне от большой дороги мирового капитализма. И, главное, все они не принимали участия в великой войне. Они не испытали ни того кровопускания, ни того разорения, ни тех политических, социальных и культурных потрясений, которые были уделом всех воюющих стран и, прежде всего, стран, в войне побежденных. Многим из них поставки воюющим принесли обогащение. Их экономическая, социальная и политическая структура осталась, в общем, неизменной. Их массы не подверглись тому культурному и моральному одиночеству, которое неизбежно несла с собой великая бойня. Из окопов не вылилась на них волна людей, искалеченных физически и психически, не находящихся себе места в новых условиях, а отчасти и неспособных уже вернуться к нормальному производительному труду, превратившихся в настоящих ландскнехтов, в готовый человеческий материал для всяких авантюров. В мире, потрясенном до основания, эти малые страны севера и северо-востока Европы, и особенно скандинавские страны — Швеция, Норвегия, Дания — оказались как бы устойчивыми оазисами, консервативными хранилищами непрерывности развития до-военного общества, а потому — непрерывности развития и рабочего социалистического движения в донные не поколебленные рамках политической демократии. Пример Дании, которой в «Роте Ревю» посвящена обстоятельная статья т. Альсинг-Андерсена, председателя социалдемократической парламентской фракции, наиболее типичен для особых условий развития социализма в этих странах.

В Дании уже почти 6 лет (с 30 апреля 1929 года) без перерыва существует коалиционное правительство в составе 3 радикалов и 8 социалдемократов с председателем социалдемократической партии Штаунигом во главе. За это время социалдемократия имела случай проверить отношение населения к ее политике. В 1932 году правительство вступило в конфликт с Ландстингом (сенатом), отрицательно относившимся ко всей его экономической политике. Распустить Ландстинг оно, в силу конституционных законов, не могло. Но чтобы апеллировать к народу, оно распустило Фолькетинг (палату депутатов). Выборы состоялись в ноябре 1932, когда кризис был уже в разгаре. Социалдемократия получила на этих выборах, после 3 с пол. лет участия в правительстве, даже несколько больше голосов (42,7%), чем на выборах 1929 года (41,8%), впервые приведших ее к власти. Партия насчитывает сейчас почти 200.000 членов против 150.000 в 1930 году. В чем же причина прочности возглавляемого социалдемократами правительства? На какие силы оно опирается? Какую политику ведет?

Его совершенно очевидной социальной опорой является союз рабочего класса с крестьянством на почве политической демократии. В январе 1933 года этот союз получил даже формальное выражение в виде договора правительства с крестьянской партией «Венстре» («левая») о комбинированных экономических мероприятиях в пользу крестьянства, с одной стороны, рабочих, с другой.

Что дает правительство крестьянам? Понижение налогов и процентов по займам и ипотекам; частичную ликвидацию задолженности и полный трехлетний мораторий сельским хозяйствам, пострадавшим от кризиса; политику цен и регулирования производства, обеспечивающую рентабельность сельского хозяйства; мероприятия по поощрению экспорта и,

так как 4/5 сельско-охозяйственного экспорта Дании идет в Англию, то, в числе этих мероприятий, приспособление курса датской кроны к падению фунта стерлингов (в общем, ценность кроны упала на половину); и т. д. При проведении всех мероприятий в пользу сельского хозяйства преимущественно представляется наиболее мелким крестьянам.

Что же получают от этой политики рабочие? Во-первых, правительство выговорило, чтобы цены на ржаной хлеб, составляющий обычный предмет питания датских рабочих, не повышались. Кроме того безработным продается по прежней цене маргарин и выдается еженедельно бесплатно известное количество мяса. Во-вторых, при поддержке крестьян, удалось значительно улучшить страхование на случай старости, болезни, инвалидности и даже страхование от безработицы и сверх того ассигновать за последние 3 года 150 миллионов крон на экстренную помощь длительно безработным. В-третьих, благодаря тому же соглашению, заключенному с «Венстре» в январе 33 года, правительство могло специальным законом запретить колоссальный локаут, который промышленники готовили, чтобы понизить заработную плату на 20%; понижение жалования чиновников также было отвергнуто. В-четвертых, почти полмиллиарда крон было за эти годы ассигновано на разного рода общепользные работы с целью борьбы с безработицей; меры эти не остались безрезультатны, как показывает следующая таблица:

Число безработных в %	%	1933 г.	1934 г.
Январь		43,5	34,4
Апрель		28,6	21,7
Июнь		21,9	15,5
Сентябрь		20,9	16,9

Таков компромисс, заключенный между рабочим и крестьянами. Что он пока удовлетворяет обоих контрагентов, видно из малочисленности фашистских элементов на одном полюсе, коммунистических — на другом (на выборах ноября 1932 года с.-д. получили 600.000 голосов, коммунисты — 17.000). На почве этого удовлетворения возможно не только сохранение, но и активная защита политической демократии: правительство имело возможность запретить образование военно-подобных союзов и отрядов, ношение формы, оружия и т. п.

Как видим, вся эта политика возможна лишь на почве тех особых условий, которые существуют в малых странах севера и северо-востока Европы, и в числе этих условий, конечно, входит и тот факт, что не эти страны будут тем плацдармом, на котором разыграется и разрешится великая революционная битва между мировым капитализмом и мировым социализмом. Но в пределах своего круга действий и своих возможностей наши скандинавские товарищи добились немаловажных успехов, которыми справедливо могут гордиться. Их опыт дает ценнейший материал и для всего Рабочего Социалистического Интернационала.

Ф. Д.

СЪЕЗД ШВЕЙЦАРСКОЙ СОЦИАЛДЕМОКРАТИИ.

Особый интерес чрезвычайного съезда швейцарской социалдемократии, заседавшего 26-27 января в Люцерне, состоял в том, что его главной задачей был пересмотр партийной программы и обсуждение швейцарского «плана труда».

Самым спорным вопросом программы было отношение к обороне страны. Партия относилась отрицательно к участию в обороне страны и принципиально отвергала голосование за военные кредиты. Новый же проект программы говорит в отделе о защите демократии: «В интересах отпора грозящей опасности фашистского нападения и в интересах охраны швейцарского нейтралитета, поскольку нейтралитет этот является предпосылкой государственной независимости, социалдемократия признает необходимость вооруженной защиты границ, которая, в силу исторических условий и соответственно политическим отношениям в стране, находит свое выражение в милиционной армии и которая, чтобы быть действительно успешной, должна быть направляема волей анти-капиталистического народного коллектива. На такую оборону с.-д. партия готова ассигновывать нужные средства».

Другой отдел новой программы касается отношения партии к демократии и содержит безоговорочное признание демократии той почвой, на которой партия хочет вести свою

борьбу. На основе демократии партия хочет сплотить новое народное большинство «анти-капиталистического характера». Так как намеченный докладчик, Роберт Гримм, не мог явиться на конгресс по болезни, то доклады прочли Эрнст Рейнгард по немецки и Поль Грабер по французски, — последний по всем отделам программы кроме отдела, посвященного военному вопросу, так как в этом вопросе Грабер поддерживал предложение меньшинства, принципиально отвергающее оборону. От имени меньшинства, по существу требующего сохранения в этом вопросе старой позиции, говорил Шнейдер (Базель).

Обширные дебаты, в ходе которых оба меньшинства столковались на общем проекте, были посвящены почти исключительно военному вопросу. При голосовании программа — за выделением отдела, посвященного военному вопросу, была принята весьма значительным большинством. В военном вопросе 382 голоса высказались за проект большинства, который защищал Рейнгард. Общий проект меньшинства (Грабер и Шнейдер) собрал 294 голоса. Предложение передать вопрос на первичное голосование членов партии не прошло, так как за него было подано лишь 210 голосов, т. е. меньше трети, требуемой уставом.

В этой связи съезд обсудил и законопроект о **продлении сроков военного обучения**, который должен быть поставлен в феврале на народное голосование. Часть съезда требовала предоставления членам партии свободы голосования в этом вопросе. Но большинством 343 голосов против 220 съезд, согласно предложению ЦК, постановил законопроект отвергнуть.

«План труда», предложенный Опрехтом (Цюрих), съезд единогласно одобрил и постановил считать его программой правительства, которое будет опираться на новое народное большинство.

Три секции требовали отмены постановления Бильского съезда, запрещающего участие членов партии в **коммунистических организациях**, в том числе и внешне замаскированных беспартийностью. Съезд согласился с Рейнгардом, высказавшимся за отклонение этого предложения.

В ЛАТВИИ.

Недавно газеты сообщали о том, что военный суд в Латвии приговорил к смертной казни трех молодых рабочих-коммунистов — Мурина, Бондаренко и Ворслова, обвинявшихся лишь в том, что они распространяли нелегальную литературу среди войск. Сколько нам известно, приведение этих приговоров в исполнение приостановлено. Но все-же самая попытка бороться казнями с нелегальной пропагандой достаточно симптоматична для характера установившегося в Латвии режима. По этому поводу латвийские товарищи пишут нам:

Смертные приговоры вызвали во всей Латвии сильнейшее возбуждение. Можно думать, что это лишь начало. В ближайшие дни в том же рижском военном суде состоится большой политический процесс. Обвиняются 22 социалиста, среди которых имеется 13-летний мальчик. Кроме того политическая полиция готовит процессы против 20 бывших членов с.-д. партии. Им вменяется в вину основание нелегальной социалистической партии и ведение социалистической пропаганды. Все арестованные подверглись в политической полиции жестокому избиению. Можно опасаться, что и этим социалдемократам угрожает смертный приговор. Рабочие организации всех стран должны немедленно начать кампанию энергичного протеста, чтобы помешать убийству.

Фашистский террор в Латвии господствует уже 8 месяцев. Все рабочие организации распущены, их имущество конфисковано. Свобода действий предоставляется лишь организациям фашистов и балтийских баронов, инспирируемых гитлеровской Германиею. Тысячи рабочих и интеллигентов лишены работы: политический гнет дополняется неслыханным экономическим террором.

В муниципальных предприятиях заработная плата и жалованья были понижены на 30%. Государственный бюджет на 1935 год предусматривает существенное сокращение жалованья чиновников. Следуя этим образцам, приступили к сокращению заработной платы и частные предприятия. А в то же время фашистское правительство бросает огромные подачки крупным землевладельцам и фабрикантам. Для целого ряда с.-х. продуктов установлены доплаты из государственных средств. Для масс же съестные припасы удорожаются косвенными налогами. Таким путем за их счет покрываются громадные расходы на субсидии, на политическую полицию и вооружение.

Всем этим объясняется сильный рост загнанного в нелегальность рабочего движения. Нелегальная социалистическая рабоче-крестьянская партия растет с каждым днем. Содействовало нарастанию анти-фашистской активности и соглашения, заключенное в ноябре 1934 года между социалистиче-

скую и коммунистическую партиями. Под руководством объединенного комитета часто вспыхивают стачки экономического характера. Усилелась нелегальная работа, выражающаяся в массовом распространении нелегальных листов. Социалистическая рабоче-крестьянская партия распространяет по всей стране и печатную газету.

Своими мероприятиями, особенно в экономической области, фашистское правительство толкает рабочих и крестьян к протесту и отпору. Массы сами группируются вокруг социалистической партии, как организатора и вождя их борьбы. Теперь правительство пытается палаческими методами остановить им же вызванное движение. Оно хочет пустить в ход против своего собственного народа те же самые виселицы, которыми царизму не удалось задавить движение, приведшее, в конце концов, к основанию независимой латвийской республики...

ФРАНЦИЯ: Проект общей платформы.

На одном из недавних заседаний так наз. Координационной Комиссии делегаты социалистической партии предложили коммунистам принять следующий проект совместной платформы, выработанный Жиромским:

Пакт единства действий между социалистической и коммунистической партиями создал возможность концентрации всех сил пролетариата и крестьянства, всех демократических сил.

В интересах расширения и консолидации начавшегося сплочения было бы полезно, чтобы обе партии пришли к соглашению насчет тех мер, которые они признают способными принести некоторое облегчение жертвам кризиса и дать удовлетворение самым насущным требованиям мира труда и тем самым смягчить наиболее губительные последствия кризиса.

Надо обеспечить работу тем, кто только работой живет.

Поэтому мы требуем:

Сокращения рабочего дня без уменьшения заработной платы.

Организации крупных общественных работ, полезных с точки зрения рабочих и крестьян.

Секвестрации обанкротившихся предприятий с целью предотвратить увольнение рабочих и служащих.

Постройки школ, больниц, санаторий и пр.

Реорганизации социального страхования в смысле действительного обеспечения рабочим права на отдых, начиная с 60 лет.

Надо исправить несправедливости, причиненные чиновникам, железнодорожникам, бывшим участникам войны, пенсионерам, старым рабочим и их семьям.

Поэтому мы требуем:

Отмены несправедливых декретов, понизивших жалованья, пенсии, пособия.

Надо улучшить условия жизни безработных.

Поэтому мы требуем:

Учреждения общегосударственной кассы помощи безработным.

Обязательного учреждения касс помощи безработным при всех муниципалитетах.

Более гибкой системы регистрации.

Моратория для квартирной платы.

Надо обеспечить клиентуру мелким торговцам и ремесленникам.

Поэтому мы добиваемся:

Повышения покупательной способности трудящихся масс, ради чего мы и боремся против всякой политики понижения заработной платы.

Мы хотим в то же время облегчить тяжелое положение мелких торговцев и ремесленников путем пересмотра договоров о найме торговых помещений и переуступке фондов и изменения законодательства о торговой собственности.

Надо обеспечить земледельцам сбыт.

Мы требуем поэтому:

Гарантирования им достаточной цены при продаже их продуктов путем организации государственных сельско-хозяйственных палат и сбытовых кооперативов.

Мы хотим смягчить крестьянскую нужду, добиваясь моратория для долгов сельских хозяев, требуя пересмотра закона о фермерах и выработки устава об аренде, а также учреждения кассы страхования против угрожающих сельскому хозяйству стихийных бедствий.

Надо подготавливать под'ем экономической жизни.

Поэтому мы требуем:

Облегчения налогового бремени, в частности — отмены налога на оборот и прямых налогов на предметы первой необходимости, а для того, чтобы такое облегчение стало возможно, — действительных и строгих кар за обход и уклонение от налогов, применения мер действительного обложения наследств, концентрированных капиталов и всех видов накопленного богатства.

Мы требуем также тщательной ревизии всех сделок и возмещений убытков, связанных с войной, а также подрядов на постройку восточных укреплений.

Надо защищать демократические свободы против фашизма.

Поэтому мы требуем:

Разоружения и роспуска фашистских союзов.

Пропорционального представительства для всех представительных учреждений и возвращения к системе 4-летних мандатов.

Распространения профсоюзного права на всех трудящихся без исключения и в частности на чиновников.

Надо развивать силы мира в противовес силам войны.

Мы требуем поэтому национализации производства и продажи оружия и политики соглашения народов, в сотрудничестве с тем пацифистским курсом, который держит Советская Россия в рамках Лиги Наций.

Задача этих непосредственных требований — стимулировать великое сплочение рабочих и крестьянских, демократических и народных сил и идейно вдохновлять его в его повседневной борьбе под руководством двух больших партий пролетариата.

Но эти партии не забывают, что кризис, в котором бьется вся капиталистическая экономика, сможет быть преодолен окончательно и полностью лишь политикой социализации, охватывающей все концентрированные отрасли хозяйства, — политикой, предпосылкой которой является завоевание власти рабочим классом.

Вся власть трудящимся!

Таков лозунг, который должны нести в массы обе партии, подписавшие пакт единства действий.

Вся власть трудящимся!

— чтобы обеспечить наконец порядок и справедливость в производстве и распределении путем социализации крупных капиталистических монополий: кредита, банков, страховых, горной, металлургической, химической, гидро-электрической промышленности, транспорта.

Вся власть трудящимся!

— чтобы разрушить классовый аппарат буржуазного государства и учредить подлинную рабоче-крестьянскую демократию.

Вся власть трудящимся!

— чтобы установить коллективную собственность на капиталистические орудия производства и обмена и таким путем идти к бесклассовому обществу, к социалистическому обществу — освободителю человечества.

***

Коммунисты отказались принять эту платформу, хотя большинство сформулированных в ней очередных требований взято из их собственного проекта, который они в свое время представили Совету французской социалистической партии. Но для них оказалась неприемлемой именно та часть проекта, в которой Жиромский пытался связать эти очередные требования с обще-социалистической программой. Она неприемлема для них по существу, так как, несмотря на весьма суммарные формулировки, она определенно стоит на почве «рабоче-крестьянской демократии» и в ней, а не в диктатуре партии, видит орудие социалистического преобразования общества. Но она неприемлема для коммунистов и по чисто тактическим соображениям: соглашение с социалистами не только по очередным, но и по основным, программным задачам неизбежно дало бы и в коммунистических рядах сильнейший толчок к переходу от «единства действий» к организационному единству, которого коммунисты не хотят. Поэтому они принципиально настаивают на том, чтобы общая платформа ограничивалась ближайшими, очередными требованиями и лозунгами. В виду такой позиции коммунистов переговоры о выработке общей платформы временно прерваны.

СРЫВ «ЕДИНОГО ФРОНТА» БЕЛЬГИЙСКОЙ МОЛОДЕЖИ.

В свое время («С. В.» № 20 за 34 г.) мы сообщали, что, в виду крайне нелояльного отношения сталинцев к обязательствам, взятым ими на себя при заключении пакта об единстве действий, состоявшийся 8 октября в Брюсселе съезд Молодой Социалистической Гвардии постановил — опыт продолжать, но окончательно решить вопрос через три месяца, на специально созванном для того съезде.

Этот съезд состоялся 26-27 января в Брюсселе. Почти все ораторы приводили яркие примеры нелояльности сталинцев, доходившей до прямых попыток подкуп отдельных членов Молодой Социалистической Гвардии. Как та основной порок сталинской организации молодежи, указывалось на то, что Комсомел вообще оказался лишенным возможности свободно вести переговоры и свободно принимать решения: он вынужден по всякому поводу спрашивать директив у компар-

тии и беспрекословного выполнять эти директивы. В результате прений 15.529 голосами против 5.631 при 3.263 воздержавшихся была принята следующая резолюция:

«Принимая во внимание, что, наряду с благоприятными результатами, применение пакта об единстве действий оказалось затруднительным и неудовлетворительным, главным образом, по вине коммунистов;

«съезд полагает, что опыт этого пакта не затрагивает самого принципа единства действий всех революционных юношеских организаций;

«но считает нужным приостановить действие соглашения от 11 августа, которое, по его мысли, должно молчаливо преобразоваться в пакт взаимного ненападения;

«съезд поручает своему центральному комитету выработать, в свете проделанного опыта, новые основы для заключения будущего, более действительного и потому жизнеспособного соглашения о совместных действиях, считаясь с тем, что пакт 11 августа уже превзойден событиями.

«Съезд сохраняет за областными организациями право заключать местные соглашения, имеющие предметом временные и точно определенные задачи;

«И подтверждает свою решимость продолжать в рамках Бельгийской Рабочей Партии и Социалистических Интернационалов свою кампанию за международное рабочее единство».

Большинство ораторов подчеркивало, что основой будущего единства действий должна быть совместная борьба за принятый Рабочей Партией план и за «правительство плана». В заключительной речи секретарь Молодой Социалистической Гвардии, Годфруа, отметил, что проделанный опыт показал воочию добрую волю социалистов и доказал, что «друзья единства находятся не там, где многие думали»; он дал кроме того положительный результат в виде вхождения троцкистской молодежи в социалистическую организацию. Свою речь т. Годфруа закончил словами: «в борьбе за новый мир мы — за действительное и подлинное единство, но мы не потеряем махинаций, имеющих целью воспользоваться нынешним положением, чтобы исподтишка нанести нам удар. Будучи сторонниками единства, мы в то же время и прежде всего — молодая социалистическая гвардия, надежда бельгийских рабочих».

Болеслав Лимановский

1-го февраля скончался в Варшаве на сотом году жизни патриарх польского социалистического движения, Болеслав Лимановский. Лишь за несколько недель до того польские рабочие праздновали его 99-й день рождения. Его похороны, состоявшиеся 5 февраля в Варшаве, обратились в грандиозную манифестацию всех отраслей польского рабочего социалистического движения. От имени РСИ надгробное слово произнес чехословацкий сенатор, т. Соукуп.

ПО РОССИИ

МОСКВА. — Конституционная реформа. — Навстречу крестьянству.

Полной неожиданностью явились изменения в конституции по порядку выборов. Говорят, что это было неожиданностью и для самих членов ЦК. Среди рядовых коммунистов это вызвало полное замешательство. Семнадцать лет подряд твердили, и они уже уверовали в то, что существующая у нас система является самой демократической в мире, и вдруг оказывается, что, во имя ее «демократизации», необходимо позаставать из столь охаянного арсенала парламентаризма «отжившее» и «избитое» — равное, прямое и тайное голосование. Ведь, до сих пор только членам ЦК доверилось избирать свои исполнительные органы тайным голосованием, да и то, говорят, что это происходило подчас не без неожиданностей.

Население к этим реформам относится весьма скептически и в серьез их не принимает. Ведь, ликвидация ГПУ и формальное усиление правовых норм не помешали НКВД с завидной даже для ГПУ энергией и скоропалительностью провести приговоры последнего времени. Почему же изменение конституции помешает проводить нужных кандидатов? Все это зависит от техники и методов проведения выборов, осо-

От редакции. — Следующий, двойной № 5/6 выйдет 23-го марта.

бенно в наших условиях, а это, ведь, еще не установлено. Ближайшие выборы будут через 3-4 года. Впереди еще очень много возможностей для всяких уточнений и изменений.

Во всяком случае этот шаг для коммунистической диктатуры весьма знаменателен, и его недооценивать не следует. Несомненно, что это только одно из мероприятий, имеющих целью усилить обороноспособность Союза, в первую очередь — путем перемены отношения населения, а главное, крестьянства, к советской власти. Повидимому, на предстоящем съезде колхозников или после него должно ожидать и некоторых хозяйственных реформ, улучшающих материальное положение и благосостояние, пусть даже в форме очередной подачи, если не всего крестьянства, то хотя бы основной его части, связанной с колхозами.

10 февраля.

Н.

МОСКВА. — Международные осложнения. — Снятие с работы социалистов и оппозиционеров. — Продуктов больше, жить дороже. — Советские перемены.

Передают, что в последние дни сильно осложнились советско-германские отношения. Немцы проявляют свою агрессивность даже в обычных дипломатических сношениях. В кругах Наркоминдела считают, что ближайшие месяцы определять группировку держав на долгие годы. Литвинов делал доклад Политбюро. Сталин лично взял на себя верховное руководство внешними делами. После некоторых колебаний решено по-прежнему продолжать курс на союз с Францией, Лигу Наций и восточный пакт. Оппозиция была на этот раз несильна и исходила главным образом из Коминтерновских кругов.

После полосы арестов всех маломальски «подозрительных на оппозицию», начался период «чистки» учреждений от всех кто когда-либо принадлежал к меньшевикам, троцкистам или другим оппозиционерам. Началось с того, что высшие партучреждения сделали выговор некоторым руководителям местных учреждений за допущение к работе быв. оппозиционеров, «ссыльных или «минусников». Кой-кого «за либерализм и небрежность» сняли с работы. С тех пор во всех концах страны начались увольнения всех не-сталинистов, а в первую очередь социалистов и оппозиционеров. Люди остаются без всякой работы и часто без надежды ее получить! Для многих это положение полной безвыходности и отчаяния.

С продуктами со времени объявления «открытой торговли» стало легче, цены на рынке несколько упали, но в общем без карточек среднему рабочему стало труднее сводить концы с концами, хотя и легче доставать продукты. Но все же возврата карточек не хотят.

Сейчас на Украине, во многих городах наблюдается массовый наплыв своеобразных мешечников, из деревни за хлебом. Остатки хлеба уже съедены, в деревне с открытием «палаток по продаже хлеба» дело продвигается туго, вот и образовался обратный поток хлеба из города в деревню.

Сообщаю вам последний советский анекдот. Ну и темпы, ну и перемены у нас в ССР! Всего несколько месяцев у нас были «открытые выборы» и «тайная торговля», а теперь наоборот: «тайные выборы» и «открытая торговля».

14 февраля.

А.

ИЗ ПАРТИИ

ПОЕЗДКА Р. АБРАМОВИЧА В АМЕРИКУ.

Во второй половине января т. Абрамович выехал в Америку по приглашению культурной комиссии при «Арбейтер-Ринге», организовавшей его поездку с лекциями по всей стране. Одновременно ЗД нашей партии возложила на т. А. задачу сбора средств для поддержания «Социалистического Вестника».

При въезде в Нью-Йорк т. Абрамовича еще на пароходе приветствовали представители «Арбейтер-Ринга», редакции «Форвертс» и Еврейского Социалистического Фербанда, в беседе с которыми т. А. характеризовал, между прочим, общее международное положение, создавшееся в результате Саарского плебисцита. В интервью, данном представителю «Форвертса», т. Лангу, т. А. напомнил, что в четвертый раз посещает Америку в целях организовать помощь русской революции и освободительной борьбе за социализм в России.

В передовой статье редакция «Форвертс» приветствовала т. А. от имени своего и многих тысяч его читателей, друзей и почитателей. Редакция «Векара», органа Е. С. Фербанда, со своей стороны, подчеркнула особое значение «С. В.», как единственного органа, систематически проникающего в Советскую Россию и связывающего русских рабочих с международным рабочим движением, и в то же время незаменимого источника информации о положении дел в Советской России. Журнал выражает надежду, что еврейские рабочие Америки, тепло откликнувшись на каждую поездку т. А., и на этот раз выполнят свой долг, поддержав русскую социал-демократию и ее орган.

29 января состоялся в честь т. А. банкет, на котором выступали с речами гг. Вейнберг (председатель А. Р.), Баскин (секретарь А.-Р.), Рогов, Шильм и Левитис (члены ред. «Ф.») и Ривкин (предс. Е. С. Ф.). В своей ответной речи т. А. указал, между прочим, на постоянную связь, поддерживаемую ЗД с нелегальными с.-д. организациями в России. Он говорил также о блестящей подпольной работе германских и австрийских с.-д., так быстро приспособившихся к новым условиям.

Первое публичное выступление т. А. в Нью-Йорке состоялось 27-го января. Темой доклада было «Политическое положение в Европе». В начале февраля т. А. выехал в лекторскую турне, которое охватит всю страну и продлится более трех месяцев.

ПОЧТОВЫЙ ЯЩИК.

Получено: 8/2, 10/2, 17/2.

Отослано: № 4 и № 32.

ИЗДАНИЯ, ПОСТУПИВШИЕ В РЕДАКЦИЮ.

Пробуждение, № 52-53. Ноябрь-Декабрь 1934. Детройт.

La Bataille Socialiste, № № 34, 35.

La Vie Socialiste, N° 403-406.

Cahiers du bolchévisme, N° N° 2, 3, 4.

La Révolution Proletarienne, N° N° 2, 3, 4.

Zeitschrift für Sozialismus, Heft 16 und 17. Januar und Februar 1935.

Le Combat Marxiste. N° 16, février 1935.

Jiwoletter, Band VII, N° 3. Wilna. 1934.

Zukunft, Heft N° 1. New-York. 1935.

Der Kampf, N° 2, Feber 1935.

Kova, № 39. Орган литовской с.-д.-тии. Париж.

Вістник Української Громади у Франції, № № 37 и 38. Париж. 1934.

Знамя России, № № 1 и 2 (65 и 66).

„КАПИТАЛ“ К. МАРКСА

в переводе Базарова и Степанова.

Все 3 тома в полотно, переплетом. Цена вместо 210 фр. — 70 фр. С пересылкой 100 фр. Заказы направлять в контору «Соц. Вестника».

Издание имеется лишь в ограниченном количестве.

На складе «Социалистического Вестника» имеется в продаже по особо удешевленной цене основной труд по всем областям международной статистики на немецком языке (в семи томах с одним дополнительным томом):

WL. WOYTINSKY — “DIE WELT IN ZAHLEN”

I. DIE ERDE — DIE BEVÖLKERUNG — DER VOLKSREICHTUM. 236 Seiten mit 16 Tafeln.

II. DIE ARBEIT. 376 Seiten mit 19 Tafeln.

III. DIE LANDWIRTSCHAFT. 320 Seiten mit 15 Tafeln.

IV. DAS GEWERBE. 375 Seiten mit 19 Tafeln.

V. HANDEL UND VERKEHR. 376 Seiten mit 14 Tafeln.

VI. DIE ÖFFENTLICHEN FINANZEN. 280 S. mit 14 Tafeln.

VII. STAATLICHES UND KULTURELLES LEBEN. 396 Seiten mit 12 Tafeln.

ZEHN JAHRE NEUES DEUTSCHLAND. 208 Seiten.

Цена всех 8 томов (некоторая часть в переплете) 150 фр. (вместо 1000 фр.). — Цена отдел. тома 25 фр. ПЕРЕСЫЛКА ЗА СЧЕТ ЗАКАЗЧИКА